

Н.Герн

НОВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ МИСТЕРА ТОМПКИНСА, или МИСТЕР ТОМПКИНС ОХОТИТСЯ НА ЭНТРОПИЮ

Роман-мистификация

памяти Кари

«Мне сказали, что каждая включенная в книгу формула вдвое уменьшит число покупателей». *Стивен Хокинг.*

В текст романа формулы включены для красоты. Никакой важной для сюжета информации в них не закодировано.

Обращаться к приложениям следует в том случае, когда вы не верите автору на слово. Персонажи, за небольшим исключением, заимствованы у других авторов. Исключение - родственники и знакомые автора (Василий Виардо, полковник Герн и др.).

WARNING! Most (and better) part of this book is other people's intellectual property.

Неожиданно в комнату вошел Профессор.

— Сэр Ричард, — сказал он, — не хотите ли вы отправиться в долгое и опасное путешествие?

Сэр Ричард встал и пошел переодеваться. В дверях он обернулся и, слегка поклонившись Профессору, произнес знаменитое хайку Пржевальского:

О, жизнь желанна
Потому что мы можем
Путешествовать

— С мистером Томпкинсом мы увидимся в Гамбурге, — сказал Профессор, укладывая чемодан на багажную полку. — Он будет ждать нас в Этнографическом музее. Вы были в этом музее?

Сэр Ричард молча покачал головой.

— Замечательный музей, — сказал Профессор.

Первая неделя экспедиции всегда была для сэра Ричарда самой тяжелой. Профессор знал это, поэтому он не стал продолжать разговор и лег спать.

Вышла дева в тамбур.
Дуй, дуй, дуй, дуй ветер.
Впереди ли Гамбург,
Огоньками светел?

Сэр Ричард открыл книгу, которую он купил в привокзальном букинистическом киоске.

*Читатель, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была...*

Предисловие (объяснительная записка)

Ужас! В интересах нового сайта, занимаясь рутинной технической работой, переверстать-переформатировать, добралась до первого своего рукоделия, романа «Мистер Томпкинс охотится на Энтропию». Сомневалась, стоит ли вообще, очень уж наивно. И окунулась в свое прошлое, чего никогда не стоит делать.

Мы тогда прочли книгу Дмитрия Биленкина (тогда – это начало 70-х, вышла она раньше) и все заболели глобальной тектоникой. Это явление сейчас, наверно, проходят в первом классе на уроках «Окружающий мир» - тогда произвело революцию в умах. Т.е. кому надо ее знали, геологи работали исходя из нее, но вот популярную книгу автор, Дм. Биленкин, пробивал, наверно, с трудом и по знакомству, как известный фантаст: *«Он стал писать фантастические рассказы, потому что для него это был «действенный способ» говорить о Земле, о её сути и её судьбе».*

Наша власть всегда ненавидела все, что меняется, движется... а нам классно было видеть себя на плывущей по огненному океану гранитной плите, с ее растущими горами, вулканами и городами...

«Восходят горы в высоту...» Ломоносов.

*«И гибнут горы
Возникают горы
И новых гор низринута страна...» Кари Унксова.*

Впрочем, Россия ведь не вышла из огненной бездны, у нас тут просто море высохло, сначала стало болото, потом Российская империя, а потом и мы. Потом опять погрузимся... А ведь мы вышли из огненной бури революции!

Все дружно заболели динамической геологией, палеонтологией, генетикой, и все это – на уровне популярных статей в журнале «Химия и Жизнь», а потом о кибернетике друзья рассказали, даже ЭВМ водили смотреть, большой такой ангар со шкафами...

И еще много всего было. А мне почему-то ужасно хотелось написать роман. Только чтобы при этом ничего не писать: как встал, куда пошел, как повернул голову, что подумал, как вообще он выглядит. Это уметь надо. А мне хотелось сделать такой «печворк», нарезать текстов из разных мест и склеить, и чтобы получились действия, сюжет, приключения, страсти, философия. Герои были готовые, от Г. Гамова, но у него они условные, а у меня должны обрести личность, мыслить и страдать...

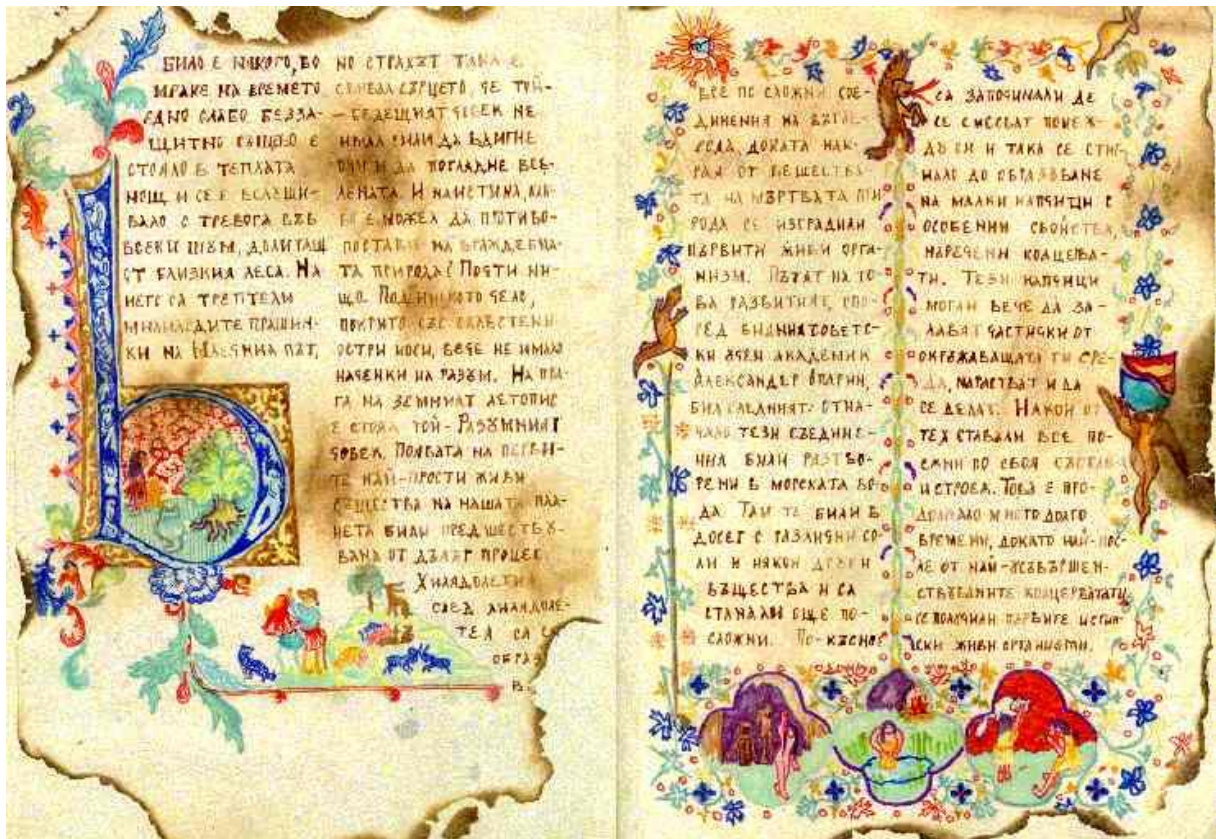
Кажется, начало было в 1972 году, знаменательном. Лето я провела в Хорезмской экспедиции, в пустыне Кызыл-кум, вернувшись, чуть не умерла от жары. Перед Новым годом побывала в Таллине (командировка от Пионера), там было что-то вроде весны, в Москве тоже – ни снежинки, жухлая осенняя трава и +5. Вот такой был год!

Летом 73 года к нам пришла босиком Кари Унксова, поэт и палеонтолог. Из Ленинграда она приехала на поезде в нормальной обуви, но это была «нормальная» советская обувь, и те, кому надо было много ходить по улицам, не выдерживали, разувались и туфли прятали в сумку. Приезжие из Средней Азии смело разгуливали пул. Горького в только что купленных домашних тапочках, им завидовали и мужчины и женщины. Горбаневская тоже приходила в «Знамя» босиком. Ее незадолго до этого выпустили.

«О, юности боль!»
но не вернуть молодость
«О, боль зрелых лет!»

КОЛЕСО ЛЮБВИ

Ломае многих колесо любви,
Но лишь не странных, тайных тех владык,
Кого изменит только смерть.

Доброе утро, — сказал Профессор, свешивая голову с верхней полки. — Оказывается, вы интересуетесь представлениями древних о Происхождении Жизни на Земле? Я не знал.

(Для тех, кто тоже интересуется взглядами древних на происхождение жизни:

Било е някого, во мраке на времето едно слабо, беззащитно същество е стояло в теплата нощ и се е вслушвало с тревога във всеки шум, долитащ от близкия лес. На се трептели милиардите пращинки на млечния път, но страхът така е свивал сърцето, че той бедещият човек не имал сили да погледне вселената. И наистина, какво е можел да противопостави на враждебната природа? Почти нищо. Под ниското чело, покрито със сплътени остри коси, вече не имало наченки на разум. На прага на земния летопис е стоял той – разумният човек. Появита на първата найпрости живи същества на наша планета били предшествувана от дълъг процес. Хилядолетие след хилядолетие са се образува все по-сложни съединения на въглерода, докато накрая от веществата на мъртвата природа се изградили първите живи организми. Пътят на това развитие, според видния съветски учен, академик Александр Опарин, бил следният: отначало тези съединения били разтворени в морската вода. Там те били в досег с различни соли и някое други вещества и ся станали още посложни. Покъсно ся започинали да се смесват помежду си и тако е стигнало до образуване на малки капчици с особени свойства, наречени коацервати. Тези капчици могли вече да залавят частички от окръжаващата ги среда, нарастават и се делят. Някои от тех ставили все по-сложни и по своя състав и строеж. Това е продължало много долго времени докато най-после от найусъвършенствуваните коацервати се получили първите истински живи организми.

ЗОРАТА НА ЖИВОТА ЗАСИЯЛА НА ЗЕМЯТА...

Тут вскоре стало совсем светло, и поезд прибыл в Гамбург.

Болгарскую книжку приобрели ради каких-то картинок (очень плохого качества, но где было взять?), мы тогда часто рисовали что-нибудь научное... не так часто, как хотелось бы. В бесценном, доброй памяти книжном магазине «Дружба» на улице Горького. Сколько чудесных книг там было, в основном «Артия», Чехословакия! Что бы мы без них знали о японской гравюре, храмах Камбоджи, где бы наши дети увидели мамонтов, если не у Буриана с Аугустой?

Китайские книги были изданы еще лучше. А еще покупали что почитать — детектив на польском и болгарском, чем плохо? Тогда и Галчинского узнали.

Когда из нашей жизни исчезло многое плохое, исчезло и кое-что хорошее, и «Дружба» тоже. Я не ропщу — зачем роптать? Хорошо изданными дешевыми книгами соседи расплачивались за поставки чего-то по линии СЭВ.

Катя вместе со школьной подругой скопировали разворот средневековой рукописи из книги, на этот раз гедээрловской, из того же магазина, я вписала текст от руки.

«Колесо любви» — название рассказа в «Америке», в журнале, эпитафия — или оба? — оттуда же. Как бы метафора ЖИЗНИ вообще...

Знаменитая фраза Пржевальского: «а еще жизнь прекрасна, / потому что мы можем — 7слов / путешествовать — 5слов», «жизнь желанна» из Слуцкого, «Пушкин и Пестель», кажется.

Про Гамбург — Пятницкий, буриме на коварно подсунутые рифмы.

От Льва Толстого мы знаем, что всего делов — придумать первую фразу, а дальше все так и потянется. Ну вот, первая фраза есть, дальше посмотрим.

Неудобно лишать заработка литературоведов XXII века, но приятно вспоминать, как это все было глупо нелепо!

Вот, скажем, мои герои договорились встретиться в Гамбурге.

Берем в буке по дешевке купленный том Элизе Реклю и копируем слово в слово: (том тоже особенный, в него вклеен титул «Народы Средней Азии», потому и купили, а он про Северную Европу.

«Благородный ганзейский город, древний Hamtamburg, основанный, по слухам, самим Карлом Великим (впрочем, в другом месте), гордящийся своими вольностями и своим богатством, долгое время смотрел на себя, как на совершенно самостоятельную республику, как на отдельное государство, не входящее в состава Германской Империи; жители его называли «имперцами» или чужестранцами (Buten Minschen) всех, кто не имел счастья родиться в пределах их «вольного города». Все флаги в гости были к ним, но львиная доля в морской торговле Гамбурга принадлежала британскому флагу (по крайней мере в 1893).

Суда, принадлежащие гамбургским негоциантам, перевозят товары во все части света. Пароходы, совершающие правильные рейсы, соединяют порт Эльбы с Россией, с городами скандинавского побережья, со всеми приморскими городами Западной Европы, с Северо-Американскими Соединенными Штатами и с Южной Америкой. Торговые сношения Гамбурга с портами Крайнего Востока весьма значительны.

(Некоторую долю отсебятины допустили. И еще мистер Томпкинс у Гамова — банковский клерк, а у меня журналист).

Про двух других героев, про Георгия Гамова, про его книгу, про встречу с переводчиком Даниловым, про Химию и Жизнь — в следующем предисловии.

Мистер Томпкинс уже неделю жил в Гамбурге и наслаждался бесконечно.

Больше всего в этом городе ему нравилась его собственная комната в гостинице «Летучая мышь». Он выбрал эту гостиницу по совету одного редакционного сотрудника, который объехал весь цивилизованный мир и везде умел красиво пожить.

— Старик, не валяй дурака, — сказал этот малый. — Как приедешь — иди сразу в «Летучую Мышь». Такой кофе, как там подают утром, ты нигде и не понюхаешь. Хозяин — бывший моряк, порт рядом, ясное дело — контрабанда.

Мистер Томпкинс очень любил кофе и, как приехал в Гамбург, сразу пошел в указанную гостиницу. Ему все очень понравилось: и кофе, и гостиница, и улица, и город.

Благородный ганзейский город, древний Hamtburg, основанный, по слухам, самим Карлом Великим (впрочем, в другом месте), гордящийся своими вольностями и своим богатством, долгое время смотрел на себя, как на совершенно самостоятельную республику, как на отдельное государство, не входящее в состава Германской Империи; жители его называли «имперцами» или чужестранцами (Buten Minschen) всех, кто не имел счастья родиться в пределах их «вольного города». Все флаги в гости были к ним, но львиная доля в морской торговле Гамбурга принадлежала британскому флагу (по крайней мере в 1893).

Суда, принадлежащие гамбургским негодьятам, перевозят товары во все части света. Пароходы, совершающие правильные рейсы, соединяют порт Эльбы с Россией, с городами скандинавского побережья, со всеми приморскими городами Западной Европы, с Северо-Американскими Соединенными Штатами и с Южной Америкой. Торговые сношения Гамбурга с портами Крайнего Востока весьма значительны.

Вот, скажем, рядом с невзрачной на вид «Летучей Мышью» возвышается новое, роскошное, огромное здание — «Магазинъ Колониальныхъ Товаровъ». Честное слово, там есть на что посмотреть! Странно только, что владелец фирмы выбрал для своего процветающего магазина с огромным оборотом столь тихое и укромное место, как эта улочка, как-то нелепо застрявшая среди красивых кварталов, выстроенных после страшного пожара 1842 г.

Но, хоть и задворки, а все же — Внутренний Город: в какую сторону ни пойдешь — через две минуты или банк, или биржа, или гимназия, или Ученое Географическое Общество, или Публичная Библиотека на 300 000 тыс. томов. Все это — в лабиринте внутренних портов, каналов, мостов и железных дорог. Еще то удобство для владельца магазина, что задней стороной здание, как и соседние дома, выходит на грузовой канал — узкий, но оживленный, — соединяющий Северную Эльбу (Norder Elbe) с Внутренним Альстером (Außen Allster). Так что лодки с товаром причаливают прямо к железным дверям полуподвального склада.

С этого зрелища и начинался теперь рабочий день мистера Томпкинса. Рано утром, в пижаме и с чашкой кофе в руках, он усаживался на подоконник и смотрел вниз, на блестящую серую воду, на проплывающие лодки. Почему-то окна всех номеров «Летучей Мыши» выходили на канал. Отчасти это было причиной малой популярности такого уютного местечка — канал словно копил в своих тесных стенах все визги, вопли и грохоты огромного портового и промышленного города. Звучание двух невидимых, но близких портов, многократно отражаясь от воды и камня, смешивалось с местной мелкой дребеденью — звоном и гомоном плебейских кухонь и квартир, стуком деревянных ящиков, криками грузчиков, нежным и постоянным плеском воды. И все это несколько не раздражало мистера Томпкинса.

Он пил дивный кофе, смотрел, как разгружают лодки у склада, думал о тех прекрасных вещах, которые должны быть в ящиках — чай, фрукты, вина, табак, пряности — думал о пароходах, которые привезли все это из теплых стран и сейчас кричали на Эльбе, думал о далеких странствиях и своем предстоящем путешествии. Он знал, что оно будет трудным и опасным, но, привыкнув полагаться на своих опытных спутников, думал о нем с беспечной надеждой. Он был счастлив уже тем, что не пойдет в редакцию, не увидит своего стола, своего редактора и своих сотрудников. Потом он одевался — не торопясь, но и не мешкая — и шел заниматься тем делом, ради которого он приехал. Потому что мистер Томпкинс уже неделю жил в Гамбурге отнюдь не ради собственного удовольствия.

Он шел в Этнографический музей, где по указанию Профессора должен был ознакомиться с некоторыми материалами, имеющими непосредственное отношение к цели и планам их экспедиции. И мистер Томпкинс знакомился с этими материалами очень добросовестно. Иногда он знакомился с ними с утра до часов семи-восьми вечера и тогда вечером шел в театр или в кинематограф, потому что в этом городе у него не было знакомых. Иногда он делал среди дня перерыв, чтобы погулять в прославленном Гамбургском зоопарке или в ботаническом саду, и в такие дни оставался в библиотеке Музея до закрытия, а это бывало очень поздно, потому что кто-нибудь из сотрудников обязательно засиживался за работой за полночь. Работники Музея относились к мистеру Томпкинсу со всей возможной научной предупредительностью. Еще до его приезда они получили рекомендательное письмо от Профессора.

Здесь в библиотеке был один занятный документ, который Профессор советовал мистеру Томпкинсу внимательно изучить. И мистер Томпкинс внимательно изучал этот документ в крайнем недоумении. Время от времени он вспоминал, какую гримасу скорчил его редактор, подписывая ему командировочное удостоверение сроком на два года. Тогда он откладывал рукопись и начинал беззвучно смеяться.

— Ностальгия по прошлому, — сказал Профессор.

Обернувшись, он провожал взглядом элегантный автомобиль с высоким кузовом, на больших колесах со сверкающими спицами. Сэр Ричард тоже обернулся.

— Серебряный призрак, — сказал он.

— Какое поэтичное и вместе точное определение, — сказал Профессор, — самый заядлый любитель прошлого века все же не решится назвать его золотым. Серебряный призрак XIX века, бледная тусклая мечта нервных обитателей века массовых средств.

Читаем Книгу Века, автор Амитав Гош, молодежь принесла. Второй том – «Дымная река», прочла на бумаге, сейчас читаем первую, «Маковое море», в своих читалках. Третью дети читают на английском, но мы уж подождем... XIX век, огромное население Юго-восточной Азии, герои всевозможных рас, вер, языков, обычаев, судьб. Почти все чем-то трогают, автор любит всех. Сплетение жизней, движение сюжета, все через героев.

Напоминает немножко Криптономикон, ну и Войну и мир.

Начало «Опиумных войн», неосознанное (это же где-то там) и забытое огромное преступление Доброй старой Англии, наставницы нашей в деле свободы и демократии. Милая королева Виктория. Диккенс, Озерная школа. Индия засеяна маком, поля ячменя и чечевицы отданы под белые цветы с черной серединкой. Неизбежный голод. Китай подсажен на зелье мечты, молодые умирают молодыми... И еще немножко работоторговля. И это называется — Свобода! Свобода деятельности, предпринимательства! Ост-индская Компания, вот это что!

«Ностальгия по прошлому». Как об этом сказать?

Была у нас замечательная книга, белая, толстая — Ломоносов, проза, письма, статьи об искусстве, пьесы (блеск), и статья «Риторика» — перечень всех возможных риторических приемов. В том же порядке, в тех же оборотах Профессор формулирует свои тезисы. Книгу потом потеряла Кари, но сейчас эту статью найти не проблема.

— Его так называли, потому что он весь блестел и двигался почти бесшумно, — сказал сэр Ричард.

— Кто? — удивился Профессор.

— Автомобиль, который мы встретили, — сказал сэр Ричард, — роллс-ройс 14 года.

— А я думал, — сказал Профессор, — что ваше замечание относилось к моим словам. И еще точно такая же машина стояла на площади у вокзала. Вы видели?

— Видел, — сказал сэр Ричард.

Они шли из гостиницы «Летучая Мышь», где они не застали мистера Томпкинса, в Музей, где надеялись его застать.

— Мир, обернувшийся назад, — сказал Профессор.

— Что трудно терпеть, то сладко вспомнить.

— Легко ли терпеть диалектический переход количества трупов в качественно новую форму сознания?

— И притом безвинно.

— О один одинокий обыватель!

— Смотри: вот царства мира и слава их, вот рекламный проспект для умозрительных путешествий, для отдохновения твоей перенапряженной психики!

— Ты скажешь: история у нас теперь наука точная, как кинематограф, и за этой блистательной ширмой мы видим тупую чернь, бездарную власть, море крови, океан жестокости.

— Согласен, и каждая из прежних эпох, видя свою наготу, содрогалась от омерзения, так же как и твоя. Каждая искала себе идеальное зеркало в древности, своей или чужой, и в зеркале этом, в укор себе, созерцала живые человеческие сокровища...

— Разум античности, дикие страсти Варварства, Готическое пламя духа, одержимую конструктивность Возрождения, пресловутую невинность дикаря, если уж на то пошло — и чего ради? Единственно ради будущего! Чтобы научиться, чему учить детей своих.

— Ты же, сложный человек, чему пожелал бы научиться? Каких обличий страсти и чести искал бы, если бы в твоей власти было прошлое обратить в будущее?

— Но ты желаешь свободы и покоя — если только ты способен желать отвлеченно.

— Свобода! Покой! Духовная жизнь — в любезном твоему сердцу *fin de siècle*. Свобода от мыслей о будущем (и о настоящем тоже, а оно начинается сразу за бульварным кольцом, куда полиция не впускает негров, китайцев и прочего сброда), покой рантье в своем гнездышке, маленьком, но уютном, семейные чтения вслух за чайным столом Диккенса или декадентов, это уж каждому по способностям —

— Согласен, согласен с тобой, прекрасно все это (в меру), только не было этого, ни прочности, ни защищенности, а были ухищрения дизайнеров по интерьеру, которые тогда уже были дошлые ребята.

— Ваш кумир, которого вы, подобно лягушкам, выпросили у небес, когда все ваши короли и президенты оказались деревянными — этот ваш обожаемый ненавистный тиран, мода, вовсе не так безумен и жесток, как вы любите жаловаться, он для этого слишком мелко плавает. Нырнет в 90-е годы, вынырнет с граммофоном в зубах. Нырнет в 20-е, вытащит туфлю с перепонкой и стишок Ходасевича. Друг мой, брат мой, усталый... Это, впрочем, Надсон.

— Не стоит и говорить, что как образец потомству эта эпоха нейтральна — она слишком близка. Предок моего сына из столь неглубокого прошлого — я сам. Какой же я идеал?

— Возможно, у меня есть достоинства (об этом приличнее умолчать),

— Но сомневаюсь, чтобы можно было долго оставаться идеалом для собственного сына...

— У вас есть сыновья, господин Профессор? — сказал сэр Ричард.

— Да нет, детей у меня нет, вы же знаете, — сказал Профессор, — но ведь можно подумать и о чужих детях, ведь это не криминал?

— Молодежи, насколько я понимаю, эти прогулки в прошлое и обратно, и обратно в прошлое, и обратно обратно, шаг вперед и два назад, и слишком устали, и слишком мы стары, «Салон», «Аполлон», «Золотое Руно», — или вот, извольте видеть, «Серебряный Призрак», а также немое кино просто смешны, а то и противны.

— Ибо мы ищем спасения от скорбей нашего времени в том, которое эти скорби выносило и породило.

— И в упор не видим, что истинная душа XIX века — это бунт. Бунт против традиций, против академизма, против романтизма, против реализма, против своих и чужих властей, против ханжества, против теории незыблемого неподвижного мира, против теории постоянных изменений, которые все доведут до лучшего и мы увидим небо в алмазах —

— Как желал бы я, друзья мои, а также современники, чтобы этого духа вы несколько признали, а не только интерьеров с качалками и песочными часами,

— Каковы интерьеры, впрочем, весьма уместны в отеле, вроде той стилизованной таверны, которую выбрал мистер Томпкинс. Вот точнейшее изображение мечты о маленьком городке, спокойной службе, добродушных соседях, толстой экономке, о хлебе и яблоках, не отравленных гербицидами.

— А какой кофе!

— Восторг и упоение!

— Это дикий абиссинский кофе, — сказал сэр Ричард, — лучший в мире.

— Я тоже где-то читал, что он лучший, — сказал Профессор, — а, вспомнил, — у Вавилова. Вы, говорят, встречались с ним — даже именно в Абиссинии?

— Да, — сказал сэр Ричард.

— Вы не слышали, что за странная история у него там была — какая-то дуэль?

— Была, — сказал сэр Ричард, — ничего странного, дуэль как дуэль. С русским эмигрантом князем Кискиным. Кончилось ничем.

— Что значит ничем? — сказал Профессор, — они стрелялись?
— Стрелялись, но никто не был ранен, — сказал сэр Ричард, — подробностей не помню.
— Вы что же, сами видели?
— Я был секундантом Вавилова, — сказал сэр Ричард.
Тут они подошли к зданию Музея, но мистера Томпкинса в музейной библиотеке они тоже не застали, потому что его там не было.

Абиссинский кофе (обязательно дикий) — отсылка к старой редкой книжке «Караваны, дороги, колосья», о путешествиях Николая Вавилова в Эфиопию, Афганистан и другие интересные места. О дуэли с белым офицером книга умалчивает, а встреча-то была на самом деле. В православной Эфиопии бедовал кто-то из офицеров старой армии. Кому-то из них Вавилов чем-то помог и взял у него письмо к семье в Москву, может и семье чем-то помог. Говорят, ему в том числе и это припомнили...

«Серебряный Призрак» — «Серый автомобиль» Грина, зловещее такое произведение...

Тут они подошли к зданию Музея, но мистера Томпкинса в музейной библиотеке они тоже не застали, потому что его там не было.

Мистер же Томпкинс в это время был приглашен в кабинет директора музея, но встретил его в кабинете не директор, а неизвестный ему довольно еще молодой человек, полный, светловолосый, в прекрасном, дорогом и скромном костюме. Молодой человек встал и поклонился.

— Мистер Томпкинс, — сказал он, — я представитель ИНТЕРПОЛа. Наша организация имеет к вам предложение, которое вас, как журналиста, должно заинтересовать. Может быть, сядем?

Но мистер Томпкинс от изумления не мог пошевелиться.

— Вот мое удостоверение, — сказал молодой человек.

Мистер Томпкинс взглянул в раскрытую книжечку, ничего особенного там не увидел и снова перевел взгляд в лицо молодого человека.

— Давайте сядем, мистер Томпкинс, — повторил молодой человек. Они сели.

— Прежде всего, — сказал молодой человек, — наша встреча и беседа ни к чему вас не обязывают, и я не прошу вас держать их в тайне. Впрочем, вы журналист и знаете, что некоторые темы тяготеют к узкому кругу посвященных. Пожалуйста, мистер Томпкинс, прочтите этот список.

Мистер Томпкинс прочел:

Опись сокровищ тайника Абдель Насера Гуари, исчезнувших из национальных музеев мира и частных коллекций почтенных и знаменитых лиц.

1. Арабский сундук из верблюжьей кожи (10 век) из национального музея в Багдаде.

2. Личные вещи царицы Клеопатры (Национальный музей в Александрии):

Головное убранство из сапфиров, изумрудов и топазов — подарок Антония

Праздничное покрывало с бриллиантами и рубинами — подарок Цезаря

Мяч для древней игры «крокет», с агатами, работы казненного любимого раба.

Драгоценный нагрудник из черных жемчужин — подарок царицы Савской.

Украшение из агата и нефрита — подарок Ассирийского царя.

3. Золотая ладья из дворца венецианских дождей, исчезнувшая из коллекции Онасиса.

4. Золотой конь из Трои (из личной коллекции мафиозо Альберто Джеральдини).

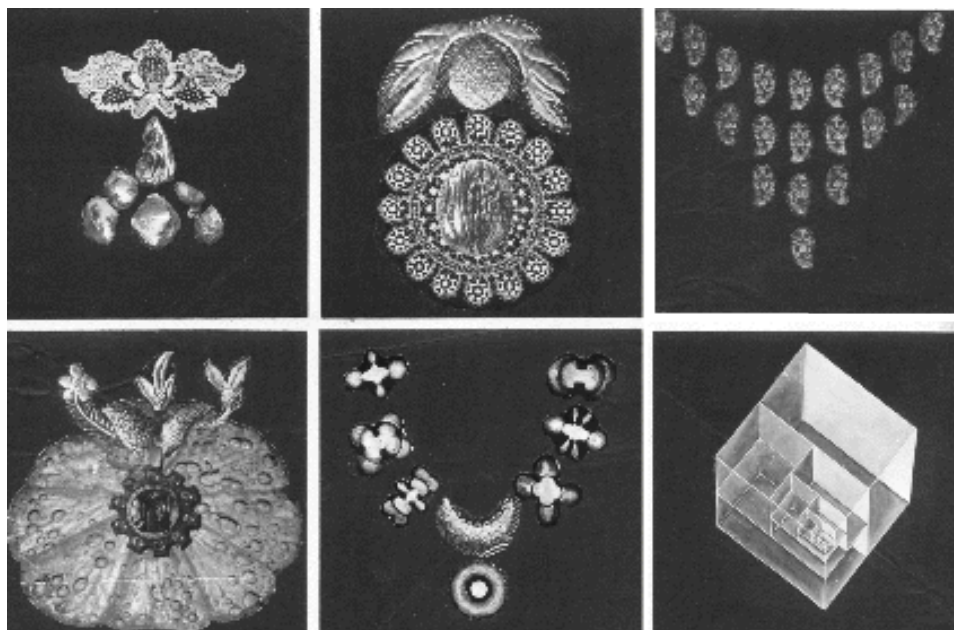
5. Золотой скипетр с индийским бриллиантом (из дворца магараджи в Дели).

6. Щит из платины Александра Македонского — подарок персидского царя (из музея в Фивах).
7. Кольцо Нефертити с алмазом (собственность Ага-хана)
8. Ожерелье из слоновой кости Индиры Ганди.
9. Драгоценные камни, жемчуг и бирюза из шкатулки Суламифи, любимой жены царя Соломона (из личной коллекции Жаклин Кеннеди — свадебный подарок Онасиса).

Список – шутка Вероники, нашей так сказать тёти, жены «полковника Герна» Юрия Алексеевича, брата нашей мамы, он где-то в романе появится, но и в реальности был замечательной личностью, известной в известных кругах, как переводчик-синхронист и преподаватель французского в ин-те военных переводчиков.

Вероника подарила нам на какой-то Новый год алжирскую шкатулку со старыми цацками. Картинки мы склеили из чего попало.

— Теперь, пожалуйста, посмотрите фотографии этих драгоценностей, — сказал молодой человек. Мистер Томпкинс посмотрел.

— Ну и что? — сказал мистер Томпкинс.

— Как честный гражданин мира, — сказал представитель ИНТЕРПОЛа, — вы должны сочувствовать борьбе нашей организации со все возрастающей международной преступностью.

— Я сочувствую, — сказал мистер Томпкинс.

— За любую информацию о любом из этих предметов назначена довольно крупная награда.

— Вот как, — сказал мистер

Томпкинс.

— И, наконец, вам как журналисту должно быть просто любопытно.

— Мне очень любопытно, — сказал мистер Томпкинс, — почему вы показали это мне? Или вы показываете всем подряд, чтобы эти штуки искало как можно больше людей?

Почему тогда не объявлять через газеты?

— О нет, мистер Томпкинс, — сказал молодой человек, — кроме служащих нашего отдела вы единственный, кто видел эти документы. Причем, не требуя от вас сохранения тайны, я все-таки рассчитываю на присущую людям вашей профессии склонность к конспирации. Я не ошибся?

— Нет, — сказал мистер Томпкинс.

— Видите ли, мистер Томпкинс, с этим списком — он имеет тенденцию увеличиваться — наш отдел зашел в тупик. Все известные методы (уверяю вас, вы даже не представляете, как они тонки и разнообразны) здесь бессильны. Бесполезно увеличивать штаты и ассигнования, нужно принципиально новое решение. Наш новый план основан даже не на последних достижениях науки, а на тех тенденциях научной мысли, которые еще не нашли воплощения.

— Насчет науки вы бы лучше обратились к господину Профессору, — сказал мистер Томпкинс.

— Никто не подходит для предназначенной вам роли лучше, чем вы, мистер Томпкинс, — сказал представитель ИНТЕРПОЛа. — Вы отправляетесь в длительное странствие, маршрут которого нам неизвестен; прекрасно. Этот маршрут пока неизвестен и вам самому; еще лучше. Но лучше всего, что ваш маршрут может изменяться по причине разных непредвиденных случайностей. Почему это так хорошо? Потому что мы не знаем также, где находятся драгоценности, и не уверены, что они не перемещаются из одного места в другое самым непредсказуемым образом. Как видите, мы рассчитываем на абсолютную случайность.

— На чудо, — сказал мистер Томпкинс.

— Да, вы очень точно выразились. Приходилось ли вам слышать такое определение: чудо — это гигантская флуктуация?

— Нет, но я вам верю, — сказал мистер Томпкинс.

— Теория вероятностей допускает в принципе такой случай: в сосуде с теплой водой половина воды закипает, а половина обращается в лед. Или, например: лежащий камень взлетает вверх в силу броуновского движения своих молекул. Возьмите вместо воды и камня человека, и вот вам то, что принято называть чудом: некто не сгорает в огне, ходит по воде, взлетает в воздух на глазах у растерявшейся публики.

— Такие случаи описаны, — сказал мистер Томпкинс, — а насчет камня и воды я что-то не слышал.

— Совершенно справедливо, на это есть причины, которые я вам могу объяснить, если вы располагаете еще некоторым временем.

— Объясните, пожалуйста, — сказал мистер Томпкинс, — вы меня заинтриговали. Вы говорите почти так же интересно, как господин Профессор.

— Мистер Томпкинс, знакомы вы хоть несколько с математикой?

— М-м... - сказал мистер Томпкинс, — господин Профессор говорил как-то...

— Помните ли вы формулу Веньковецкого-Навроцкого?

— Смутно, — сказал мистер Томпкинс.

Представитель ИНТЕРПОЛа достал авторучку и положил перед собой лист бумаги.

— Развертывание натурального ряда, мистер Томпкинс, можно представить как самопроизвольный процесс, все события которого априори равновероятны; под событием имеется в виду появление любого натурального числа от 1 до N.

Исходя из определений, энтропия любого отрезка натурального ряда от 1 до N:

$$S = K \ln N$$

Кажется, самое время поместить очередное Предисловие:

Про Георгия Гамова, про Химию и Жизнь. И про Жизнь вообще.

Начиналось оно так:

«При конце прошедшей эры, точнее 4 ноября 1999 года (во время второй чеченской войны) произошло некое событие. Мне довелось встретиться с человеком, который 30 лет назад, сам о том нимало не ведая, перевернул мою жизнь. Этот человек – изумительный переводчик и ученый, Юлий Александрович Данилов. Году примерно в семидесятом он напечатал в журнале «Химия и Жизнь» отрывок своего перевода книги Гамова «Мистер Томпкинс в стране чудес»...

Ко времени этой встречи я не только давно уже написала свой претенциозный роман с тем же героем, но и показала его редактору «Химии и Жизни», тому, кто решился напечатать текст нашего, так сказать, Бруно Понтекорво (в переводе Ю.А.Данилова), и получила от него рецензию:

ХИМИЯ И ЖИЗНЬ

Научно-популярный журнал
Академии наук СССР

107143 Москва, Открытое шоссе,
дом № 21, корп. 9, кв. 160.

Н. А. ДОБРОХОТОВОЙ-МАЙКОВОЙ

Москва, В-333, Ленинский проспект, 61.
Телефоны: 135-52-29, 135-32-41, 135-63-91.

16 ноября 1979.

Уважаемая Наталья Александровна!

Благодарим Вас за возможность познакомиться с "Новым путешествием мистера Томкинса". Вещь безусловно интересная, очень своеобразная, во многом ошарашивающая. Но, к сожалению, это совершенно не наш жанр. Да и размер этого произведения делает весьма мало вероятной публикацию в тонком и нелитературном журнале. Возвращаю Вам рукопись, от души желаю литературного успеха.

Редактор отдела

Г. М. Файбусович
Г. М. Файбусович

И устыдилась, что не помню имя и отчество этого чудесного человека, многим известного – не только химикам. Известно Под видом популярного издания, как это бывало тогда, скрывался «последний приют» и уголок оскорбленному чувству, где появлялось что-то не вполне соответствующее... например, длинный-предлинный рассказ Льюиса «Лист работы Мелкина» в переводе Трауберг, почти откровенно христианский. Она мне посоветовала: идите к Файбусовичу, он такой чудесный старичок... Почему нет? О публикации речи быть не могло, пусть кто-то еще посмотрит.

Файбусович оказался самым обаятельным человеком на свете. И написал самую доброжелательную рецензию. Потом, без всякой химии, я всегда вспоминала его с нежностью. А тут вот решила все-таки раскрыть инициалы; может в архив заглянуть...

И тут все перевернулось и в перевернутии встало на свои места, как говорит один гриновский персонаж.

Борис Хазанов (настоящее имя Геннадий Моисеевич Файбусович; 16 января 1928, Ленинград — 11 января 2022, Мюнхен) — русский прозаик, эссеист, переводчик, врач.

(Боже мой! Он был жив на этой неделе! Царство Небесное, и добрая память!)

Учился на классическом отделении филологического факультета МГУ. На пятом курсе был арестован (1949 г.) по обвинению в антисоветской агитации, освобождён в 1955 г.

...работал врачом, затем редактором в журнале «Химия и жизнь», печатал под псевдонимом научно-популярные книги для школьников, переводил письма Лейбница.

Опубликовал семь книг прозы и эссеистики в России, США, Германии и Израиле. Мастер повествовательного жанра, где у Хазанова пересекаются и перемешиваются времена и культурно-архетипические мотивы. В 1982 г. эмигрировал в Германию. Был одним из соучредителей и издателей русского журнала «Страна и мир» (Мюнхен, 1984—1992).

Жил в Мюнхене. В 1983—1993 гг. сотрудничал с «Радио Свобода», в том числе выступал с чтением своего романа «Нагльфар в океане времени» (можно скачать или прочесть).

Возьмем $K = 1$ и получим: $S = \ln N$

Отрезок ряда от 1 до N представляет множество натуральных чисел, состоящее, в частности, из двух подмножеств — простых и составных чисел. В теории чисел со времен Гаусса известен следующий закон:

$\pi(N) \sim N/\ln N$, т.е. количество простых чисел $p = \pi(N)$, p меньше или равно N , асимптотически равно элементарной функции $N/\ln N$

выполняется соотношение *(не обращайтесь внимания, это чепуха просто для красоты)*

Отсюда $N/\pi(N) \sim \ln N$

Поскольку $S = \ln N$

то $S \sim N/\pi(N)$

или $1/S \sim \pi(N)/N$

Дальше тоже чепуха и эксперимент по написанию формул в самом начале нашей компьютеризации, это не я, читать не надо, там все словами объясняется и тоже непонятно. Веньковецкий и Навроцкий — два молодых геолога, кажется аспиранты, сочинили и где-то отпечатали брошюрку, в институте наверно, в которой ниспровергаются основы, вроде ломоносовского «Принципа актуализма» — это про то, что в геологии–минералогии все происходит, как древле, как тогда минералы кристаллизовались, так и теперь кристаллизуются (в тех же условиях, понятно). Они доказывали, что неорганическая природа тоже подвержена ускорению!

Ничего удивительного, нам всем хотелось ускорить время.

Книжечку принес поэт и геолог Слава Лён, они с Кари сейчас же нашли общий язык.

Сейчас Лён – магистр некоего Ордена и академик некой Академии, которые он сам основал где-то в Стране Удивляндии, на Горизонтских Островах.

Вот теперь можно читать дальше.

...т.е. мы получили обратную энтропии меру структурности, которая определяется как относительное количество простых чисел в пределах отрезка.

Здесь развертывание натурального ряда чисел представляет идеальную модель эволюционного процесса в замкнутой системе. Реальные процессы спонтанной эволюции обычно имеют три основных характеристики: некоторую периодичность, направленность и флуктуации. При развертывании натурального ряда чисел периодичность, в частности, выражается в смене простых чисел составными. Направленность выражается в том, что в общем случае при возрастании N простые числа встречаются все реже. Тем не менее как угодно далеко от начала натурального ряда можно встретить «сгустки» — два, три простых числа, или больше, расположенных близко одно от другого. Флуктуациями и объясняется асимптотический характер полученных равенств. При этом чем больше величина флуктуации (размеры и плотность «сгустка»), тем реже она встречается.

— Какими интересными вещами занимается ИНТЕРПОЛ, — сказал мистер Томпкинс.

— О, ИНТЕРПОЛ занимается и гораздо более интересными вещами, — сказал молодой человек. — На основании огромного статистического материала, которым мы располагаем, нами выведен интуитивный закон *(а это уже настоящая наука!)*:

Вероятность желаемого события в мире живого (назовем ее биологической вероятностью) больше математической вероятности.

Вероятность желаемого события в человеческом обществе (назовем ее социальной вероятностью) больше математической и больше биологической вероятности.

Этим, как полагают в нашем отделе, отчасти объясняется возрастание скорости эволюции при переходе на следующий уровень организации. Мы предполагаем, что в мире творческой деятельности, научной, скажем, или художественной, чтобы не брать выше, вероятность должна превышать математическую на один — два порядка. Но об этом у нас мало данных, и мы с вами обойдемся пока вероятностью социальной.

— Я что-то не совсем понимаю, — сказал мистер Томпкинс, — сначала с логарифмами было так просто...

— Это еще проще, я вам объясню на примерах. Начнем с биологической вероятности. Грубо говоря, вероятность попадания зерна на клочок плодородной площади s посреди каменной равнины площади S больше вероятности попадания дробишки того же размера на заштрихованный участок равной площади.

— Вы проверяли? — спросил мистер Томпкинс.

— Нет, это нельзя проверить. Как только мы начнем экспериментировать, мы попадаем в сферу действия математических законов. Но нас убеждают косвенные доказательства. Известно, скажем, что процесс видообразования носит взрывной, вулканический характер. Внутри старого таксона вдруг резко возрастает число мутаций — попросту появляется на свет огромное количество монстров, уродов. Видимо, это происходит в условиях, близких к катастрофическим. Подавляющее число мутаций летальны или бесполезны. Особи-носители благоприятных мутаций исчисляются единицами. Между тем в потомстве должно закрепиться не одно, а несколько полезных изменений. Какова вероятность получения потомства от двух особей с различными полезными мутациями? Какова вероятность, что этот счастливый потомок встретит такого же счастливца? Не забывайте, все это происходит в жестком цейтноте. Математически, я думаю, такая вероятность исчезающе мала. Однако образование новых видов — вовсе не исключительное или редкое явление. Иначе мы бы с вами здесь не разговаривали. Что же происходит в человеческой истории — сами знаете. Конечно, развитием человеческого общества управляют объективные законы. Но фактическое, конкретное их воплощение выглядит, как цепь невероятных случайностей. Недаром историю долгое время только так и рассматривали. Теперь тоже никто не отрицает роль выдающейся личности в историческом процессе, а личность — это жизнь с хаосом встреч, совпадений, случайных влияний и капризов. Вот я и говорю: какова вероятность, что в мире с миллиардами людей и неисчислимым количеством предметов один определенный человек увидит некий определенный предмет? Да попросту никакой. А вдруг...

— А вам не кажется, — сказал мистер Томпкинс, — что вы сейчас ставите эксперимент и вторгаетесь в сферу математических законов? Может ли произойти флуктуация, если ее ожидают?

— А кто ее знает, — сказал представитель ИНТЕРПОЛа.

— Вы меня убедили, — сказал мистер Томпкинс, — один последний вопрос. Почему все-таки я? Почему не Профессор или сэр Ричард? Они гораздо опытнее меня, серьезнее, ответственнее и... и вообще.

— Именно поэтому, мистер Томпкинс. Вы — журналист и потому по самой своей сути — дилетант. Вы можете заинтересоваться нашим разговором, можете между прочим, из любопытства, заняться этим вопросом, можете забыть о нем — скорее всего, ведь вам будет не до того. Профессор и сэр Ричард — люди дела. Для них принять подобное предложение значит взять на себя обязательство выполнить его. На это они никогда не пойдут — у них свои цели. Они не стали бы даже читать список. Вас же это, повторяю, ни к чему не обязывает.

— Хорошо, — сказал мистер Томпкинс, — а что я должен делать, если все-таки...

— Позвоните, пожалуйста, вот по этому телефону. Нет — не записывайте. Постарайтесь запомнить телефон наизусть.

Мистер Томпкинс вышел из кабинета слегка пошатываясь. Он не совсем понимал, где он находится. А находился он в зале искусства Северо-Восточной Азии. Он нашел себя наконец перед стеклянной витриной, в которой был один предмет — прекрасный малайский крис в виде языка пламени с фигурной рукояткой из темного дерева, и понял, что уже третий раз читает машинописный текст, что это экспонат — легендарный Нож Убийцы, принадлежавший принцу Санг Боме, который в приступе амока этим ножом убил семерых министров и белого слона — или семерых слонов и белого министра.

Тут он уголком левого глаза почувствовал какое-то движение в соседнем зале, посмотрел и увидел Профессора и сэра Ричарда, которые шли к нему. Он радостно шагнул к ним навстречу, и в тот же миг стекло витрины разлетелось и несколько осколков слегка задели его. Он подпрыгнул от неожиданности, обернулся и увидел разбитую витрину и длинную стрелу, торчащую в черном бархате рядом с экспонатом. Если бы он не шагнул навстречу друзьям, эта стрела сейчас торчала бы у него в затылке.

Профессор и сэр Ричард уже были рядом. Только что совершенно пустой зал наполнился людьми. Прибежал директор, зрители и научные сотрудники. Все они очень волновались, но происшествие объяснилось просто.

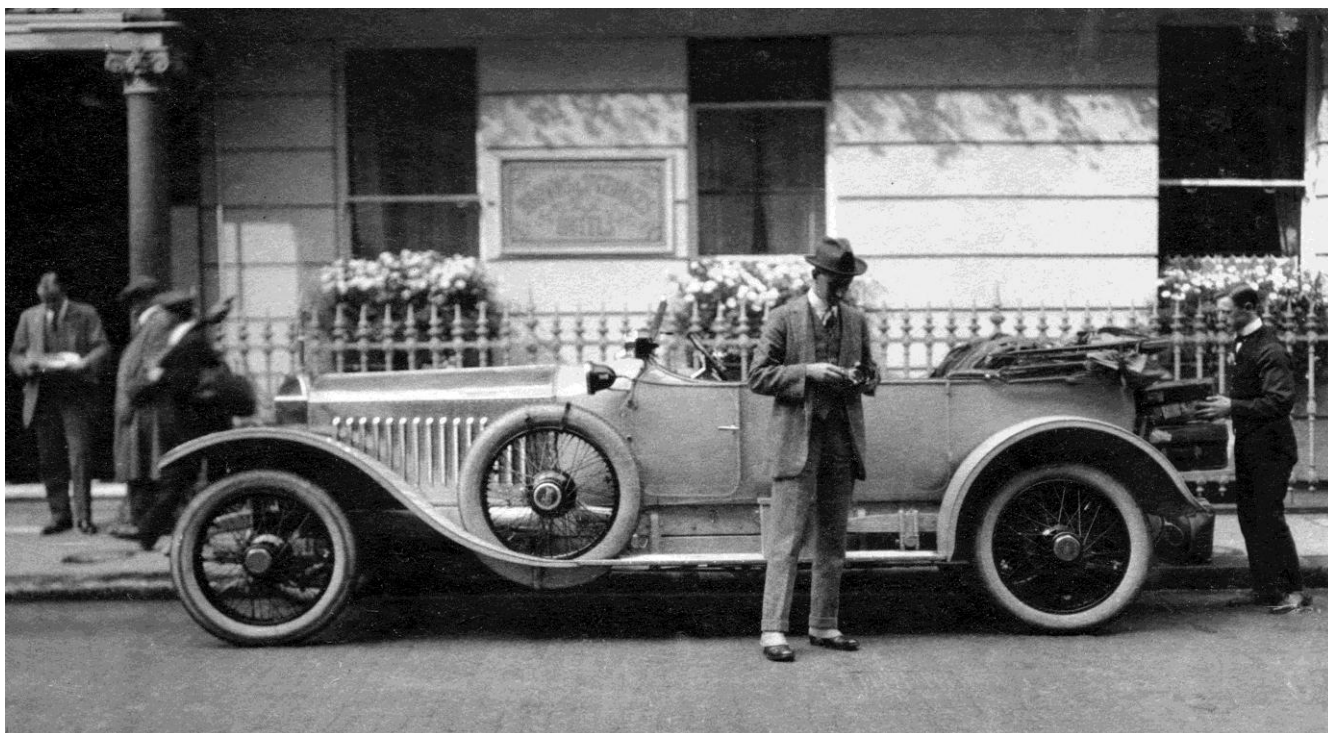
Напротив витрины стоял манекен воина в перьях и татуировке. В руках у него был натянутый лук с наложенной стрелой. Лук был настоящий, тетива тугая, и вот пальцы муляжного человека не выдержали, обломались, и стрела, сорвавшись с тетивы, пробила витрину и вошла в стену на треть своей длины — ведь расстояние было шагов десять, не больше. Все благодарили счастливый случай, спасший жизнь мистеру Томпкинсу, а он сам, Профессор и сэр Ричард вышли в соседний зал, пока здесь все это обсудят и приберут. Вскоре туда же явился директор, чтобы поговорить с Профессором. Мистер Томпкинс чувствовал, что у него все еще сильно бьется сердце, а сэр Ричард стоял у окна. Его, видимо, что-то заинтересовало на улице, потому что он открыл окно и выглянул наружу.

— Что там, сэр Ричард? — сказал Профессор.

— Ничего особенного, — сказал сэр Ричард, — опять Серебряный Призрак.

— Какой призрак? — сказал мистер Томпкинс.

— Старый автомобиль. Он уже ушел, — сказал сэр Ричард и закрыл окно.

И тут в соседнем зале, где все еще толпились сотрудники, раздался крик, а потом крики нескольких голосов. Директор опять побежал туда. Профессор, мистер Томпкинс и сэр Ричард тоже заглянули из любопытства.

Случилось нечто необъяснимое. Из помещения, полного людей, из разбитой витрины исчез Нож Убийцы.

Случай с австралийским аборигеном и выстрелом из лука имел место в Этнографическом музее С.-Петербурга, в «Кунсткамере», во время войны, от сотрясения при бомбежке.

Вечером этого дня Профессор, мистер Томпкинс и сэр Ричард ужинали в ресторане, и мистер Томпкинс пересказывал свой разговор с представителем ИНТЕРПОЛа. Профессор был в восторге. Мистер Томпкинс достал ручку и попытался написать на салфетке формулы, но не вспомнил. Но Профессор и так все понял.

— У этого молодого человека неплохая голова, — сказал Профессор. — Я охотно взял бы его к себе аспирантом. Ну а вы, мистер Томпкинс? Убедил он вас в истинности своей теории?

— Видите ли, — сказал мистер Томпкинс, — сначала я был слегка ошеломлен. Но потом, когда мы с вами ушли из музея, я стал думать, и мне кажется, это довольно правдоподобно. Ведь скажем, все замечали, что монета, если ее бросать, падает то так, то так, а кошка — только на одну сторону.

— Bravo, мистер Томпкинс! — вскричал Профессор, хлопнул в ладоши и расхохотался. Мистер Томпкинс вздрогнул и — такая жалость — локтем столкнул на пол тарелочку с фирменным бутербродом, который официант только что поставил рядом с ним на край стола, потому что на столе было тесно. А бутерброд был чудесный, с севрюгой, крабами, черной икрой, и было там еще много всего — сбитое масло, зелень, желе, оливки, всякая всячина — мистер Томпкинс даже не успел разглядеть.

— Ну вот, конечно, — сказал мистер Томпкинс, — маслом вниз. Хотя было не только масло...

— Тривиально, — сказал Профессор, — это один из основных законов теории вероятностей, его знает каждый школьник. Но вот если вы ответите на последний вопрос — ставлю вам отлично.

Мистер Томпкинс печально глядел на официанта, подбиравшего с пола бутерброд и остатки тарелочки.

— Какое положительное значение для эволюции — лично вашей, мистер Томпкинс — имеет тот факт, — сказал Профессор, вытянув палец, — что бутерброд упал маслом вниз? — Н-ну, — сказал мистер Томпкинс. Он уже немного устал. — Может, он отравленный...

Приятно вспомнить. Фирменный бутерброд знаменитого кафе «Тулльяк», в Таллине.

Склоненная спина официанта слегка вздрогнула. Никто этого не заметил. Лицо профессора озарилось блаженством. Он сложил руки на животе.

— Вашу зачетку, мистер Томпкинс, — сказал Профессор.

Мистер Томпкинс робко улыбнулся.

— Как вам все это нравится, сэр Ричард? — сказал Профессор. — Можем мы узнать ваше мнение о теории вероятностей?

Сэр Ричард, откинувшись на спинку кресла, сквозь дым своей трубки провожал взглядом уходящего официанта. Он повернулся и произнес хайку:

Жизнь полна чудес
Одно невероятно —
Что мы все живем.

Комната была полна тусклым нежным золотом городского заката. Карта лежала на столике у самого окна, но и здесь становилось уже темно, чтобы работать с картой. Впрочем, она была не нужна. Сэр Ричард помнил маршрут наизусть и знал до тонкостей все, что можно было узнать — до определенного пункта. Поэтому он просто сидел у темнеющего окна и обдумывал некоторые частности пути и снаряжения. Но и в этом, собственно, не было необходимости, потому что все было совершенно ясно до определенного пункта, а там уже было все совершенно неясно и вообще черт знает что. Поэтому он просто смотрел, как сгущаются сумерки, и слушал, как гремит недалекий порт, плещет вода и скрипят лодки вниз, как танцуют в доме напротив.

Го-о-о-уммм! О-о-о-о-у-ум! У-у-м! Паум!
Барг! Брезг! Дзо!
Плюки оки, пель, пель, пель...
Хурм! хурм!
Гали гуга грам рам рам
Мури гури рикоко!
ХАХИОХИ! ХИХИРО! ЭХИ, АХИ, ХИ!
Мури гури рикоко.

Совсем стемнело, но свет из окна, где танцевали, слегка освещал его квартиру. Лодка подошла к складу большого соседнего магазина, там открыли ворота, стали двигать ящики, грузчик разговаривал с кладовщиком. Гудки и шорохи забивали слова.

жрабр чап-чап!
Угуум мхээ! Мхээ!
бгав! гхав ха! ха! ха!
Мгуум мап! мап! Мап! Мап!

и вдруг донеслось совершенно отчетливо:

... с ними Охотник...
Пруг, буктр, ркирчь!
П р а к т в, б а к в, ж а м!
... сразу узнаешь: хромает на левую ногу...

Сэр Ричард осторожно встал у окна, чтобы лучше слышать, но так, чтобы его никак нельзя было увидеть снаружи. Но тут в доме напротив заиграл фокстрот:

Б о б э о б и...
Ünge Mädchen...
и должен проехать близ форта...
В э э о м и...
Lebens Raum...
другого пути
П и э э о...
Grün des Lebens...
Л и э э э й...
Goldner Baum...

без промаха. Другого случая тогда уже не...

у у у - у - у - у - у - у - у - у - ммм...

...а тех - живыми...

Ah! Mein lieber Augustin,
Augustin,
Augustin,
Aller ist hin... hin... hin...

... этих ваших штучек: сам прибудет - скажет...

Б з у п, б з о й, черпчь жир х!

Р а п р г р а п р!

Л я я у л я н о л ь з и...

... твоим. Вот яцик и вот

Б З Л О М !

Д З У Г З А Г !

виски, тряпки, бусы...

В последних окнах погас свет, стихло, и где-то пробили часы:

Кант... Конт... Кент... Кин...
Die Uhr schlägt keinem Glücklichen

... какое оружие, ты что с ума...
 Б ы - ы - ы - у - ум... Б о м ! ЖРАБР, ТАВРТ, ТИВТ !
... только ваше, стрелы, можно отра...
 Марш... Чарш... Зарш...
 Шурш - шум - шурш - шлеп...
 Ц о г ! б е г ! г и п ! З у и п !
... а вот и нож убийцы...
 Ме - зе - ре - ре
.. и с концами...
 глюк - глюк - глюк
... это вот тебе пока...
 В о у м... Б о у м... Б ы - ы - ы - ум... Б о м !
... повезет - добавит...
 П р о у м... П р и у м...
 Марж бзор мерчь
... если же мадам...
 ГИ - ГО - ГА - ГЭ ! ГРО - РО - РО !
 З з з з ..... ж ж а !
 Р - р - р - р - раум!
... аолина...
 З о о о о - о - о - о - о - у - у - у - у м м м м м ...
...Пора. Отваливай.
- Темно еще.
- Это здесь темно. Колокол

И ударил колокол:

Vivos voco
Fulmina frango
Mortus plango

- Отваливай.

Здесь, внизу, лодка скреблась и плескалась совсем еще в темноте. Но там, наверху — слышно было, что светает.

Дыр - бул - щыл
 Убещщур
 Скум...
 Плянчь... глюмч... пенчь...
С о у м !
М о у м !
Б о у м !
Б о м !
Б и м !
Б а м !

Откуда альба прозвучала
 Под сводом тихого канала
 Уходит ночи темнота
 А в ней золотая тайна та
 Закат дарящий это золото
 Храните золото заката
 Храните вечно тайну эту:
 Звезда - предвестница рассвета
 Она была белым-бела.
 И день настал. И ночь ушла.

Звукопись заимствована целиком у Велемира Хлебникова – «Разговоры богов», что-то еще. И совсем чуть-чуть в самом конце Крученных (Крученных я еще видела живым).

Кари, когда прочла этот отрывок, восхитилась и кажется обзавидовалась: как это у тебя получилось... Кари, говорю! Это Хлебников! Она чуть смутилась, но сразу нашлась: Оцени чутье на гениальность, на абсолютный текст!

Наутро Профессор, мистер Томпкинс и сэр Ричард сошлись за завтраком не рано и завтракали не спеша, но все равно до парохода у них еще оставалось много времени. Поэтому трое путешественников, покинув «Летучую мышь», не направились прямо в порт, а зашли сначала в соседний великолепный Магазин Колониальных Товаров, чтобы запастись в дорогу чай, кофе и табак получше.

Магазин этот, так же как и построенные одновременно во многих столицах Европы супергастрономы, был подобен некоему фантастическому храму. Он изображал одновременно пещеры Аджанты, храм Неба в Пекине и чайный домик в Иосиваре. Не было недостатка, разумеется, и в цветах и птицах на стенах, вазах в два человеческих роста, шелковых фонарях и позолоченных драконах. Густой аромат фруктов и табака плыл, как мистический фимиам. Продавцы священнодействовали. Однако самое главное очарование этого магазина состояло в том, что покупатель попадал в него сквозь зеркальный тамбур и вертящиеся двери с огромными стеклами, где он оказывался как бы внутри калейдоскопа; ошеломленный пронзительным сверканьем стекла и многократным своим отражением, он как бы разлетался на осколки и потом, войдя в полусвет огромного зала, не мог сразу собраться в целое. Конечно, после этого он меньше удивлялся чудесам. Наоборот, чудесным казалось самое обычное.

Профессор, мистер Томпкинс и сэр Ричард, вторично испытав превращение в калейдоскопе, очутились в самой обычной маленькой улице в самый обычный городской полдень. Они не прошли и двух шагов, как перед ними возник старинный автомобиль очень здесь, по-видимому, модной марки — «Серебряный Призрак». Автомобиль остановился у входа в магазин. Из автомобиля выскочил шофер в форме. Придерживая дверцу, он выслушивал оставшегося в машине пассажира. Пассажир был совершенно не виден. Наконец шофер поклонился, захлопнул дверцу и направился в магазин.

— Господин профессор, — сказал сэр Ричард, — мы, кажется, забыли что-то купить.
— Нет, мы все купили, — сказал мистер Томпкинс, — вот у меня список, видите...

Профессор быстро взглянул на сэра Ричарда.

— Да, мы забыли, — сказал он, — в самом деле я забыл... — и он стремительно повернулся и бросился бегом обратно в магазин.

— Что вы забыли? — крикнул мистер Томпкинс ему вслед.

— Грейпфрут, — ответил Профессор, исчезая в калейдоскопе.

— Зачем вам грейпфрут, господин Профессор? — воскликнул мистер Томпкинс, следуя за ним.

Когда сэр Ричард неторопливо вошел в зал, Профессор, облокотившись о прилавок, выбирал самый большой грейпфрут из дюжины этих огромных плодов, отражавшихся в стекле, словно бледные романтические луны.

— Так зачем вам грейпфрут, господин Профессор? — повторил мистер Томпкинс, слегка запыхавшись.

В это время к соседнему прилавку подходил шофер. Приказчик ждал, наклонившись вперед и улыбаясь — видимо, шофер был ему знаком...

Кажется, пора бы вернуться к истокам, к Георгию Гамову, и к тому странному миру, в котором все было не так — скажем, была колониальная система, был Советский Союз, но не было атомной бомбы. К автору приключений мистера Томпкинса в стране чудес.

К Георгию Гамову, «советскому физика от Бога», о котором сказки рассказывают: *«Сказка о весёлом физике Георгии Гамове и о холодном дыхании горячей Вселенной» Наука и Жизнь, Ник Горькавый №8 2016.*

Самый молодой академик СССР, Гамов оказался в Стране Чудес, сбежав за границу от... От Энтропии, от чего же еще. От нее Есенин повесился, Маяковский застрелился.

Г. Гамов был, что называется, «белая косточка, голубая кровь»: дед полковник царской армии, отец учитель, мама из духовного сословия, родился в Одессе, двоюродный брат эсер, казнен за покушение. Полный интеллигентский набор! Очень рано проявил склонность к науке. 1922 год — физмат Петроградского унив., где зарождалась советская физика. Хотел специализироваться в области общей теории относительности, у Фридмана, того, кто поколебал Эйнштейновскую Вселенную. Увы, Фридман слишком рано умер...

Хороший физик всегда — Человек Играющий. Гамов, Иваненко и Ландау в начале 28 г. издали статью «Мировые постоянные и предельный переход», в которой расположили физические теории по системе фундаментальных констант: скорость света, гравитационная постоянная и постоянная Планка (сGh-система). Сами они считали ее шуткой, но она привлекла внимание исследователей фундаментальностью и перспективами развития.

На родине оценили:

«СССР зовут страной убийц и хамов.

Недаром. Вот пример: советский парень Гамов.

Чего хотите вы от таких людей?!

Уже до атома добрался, лиходей!

Миллионы атомов на острие иголки!

А он — ведь до чего механика хитра! —

В отдельном атоме добрался до ядра!»

Демьян Бедный, «До атомов добрались» (1928)

Отпустили Гамова, как и других, учиться и работать за границу. Германия, Копенгаген — Бор уговорил годик поработать у себя, Лейден, Пауль Эренфест (капельная модель ядра, уровни энергии ядер; Кембридж, обсуждение перспектив расщепления ядер ускоренными протонами (чувствуете, чем пахнет?)

С одной стороны, родина требует назад, с другой — Резерфорд голосует за Рокфеллеровскую стипендию. Очень хочется объехать Европу на мотцикле (но нет мотоцикла! Вы думали, есть?)

С третьей стороны молодая жена. Летом 1932 года, во время отпуска в Крыму, Гамов с женой попытались доплыть на байдарке до турецкого побережья, однако им помешал шторм...

В 33 году власти неосторожно отпустили его на международный конгресс, а он через Бухарина смог попасть на приём к Молотову и получить визу и для своей жены...

Там они и остались. *Помнится, еще кому-то Бухарин помогал, тоже известному лицу...*

Одно дело — гость, а другое постоянный жилец. Не то чтобы «физики в загоне», а общественное мнение не одобряло: что-то он бросил первую в мире Страну Свободы? Интеллигенция долго еще была левая, никаким рассказам про репрессии верить не хотела. А тут еще Судоплатов ходит кругами, невидимо, но ощутимо. Кто их знает, завербовал, не завербовал...

В Лос-Аламос его не взяли. Пришлось заняться *теорией эволюции звёзд с термоядерным источником энергии*. В 1940 с учеником Марио Шенбергом изучал «роль нейтрино в катастрофических процессах, происходящих при вспышках новых и сверхновых звёзд» (т. наз. «нейтринное охлаждение»). *Холодное дыхание горячей Вселенной*, как в сказке...

А где, бишь, мой рассказ бессвязный?...

Ах, вот он:

— Зачем вам грейпфрут, господин Профессор? — воскликнул мистер Томпкинс.

— Ну, это долгая история, — сказал Профессор, подбрасывая выбранный грейпфрут.

— Давным-давно, когда Земля была еще плоской жил человек по имени Христофоро Колумбо. Он всегда старался доказать, что все вещи на самом деле совсем не то, что они есть.

И первое, что он старался доказать — это, что его зовут не Христофоро Колумбо. «Меня зовут Кристоаль Колон», — сказал он, — и я докажу это!»

Но на самом деле он лишь доказал, что его зовут Христофор Колумб, и это больше всех удивило его самого.

Затем он старался доказать, что Земля имеет форму яйца, но на самом деле лишь доказал, что она круглая. Это было близко к истине, так что он бросил этим заниматься и попытался доказать, что вы можете попасть туда, куда вам надо, если пойдете в неверном направлении.

Но он лишь доказал, что если пойдешь в неверном направлении, то можно попасть совсем в другое место. Это вышло даже лучше, потому что там до него никто еще не был, и он стал героем.

Так что я собираюсь доказать, что грейпфруты — это венчики для сметания пыли. Вряд ли мне это удастся, но кто его знает, какие интересные штуки я узнаю при этом?

— Почему опиум для народа? — спросил шофер тоном привычной шутки.

— Не держим, этого колониального товара не держим,

— ответил продавец, широко улыбаясь, — все остальное — спрашивайте, приказывайте...

— Заказ будет большой, — сказал шофер, — вот, слушайте:

перепелов 16 штук

12 профитролей

сарсапариллы 7 гран

9 анчоусов

8 стаканов малины

11 ландрин

4 фунта джейрана

манго 2 штуки

13 ложек киселя

14 плодов эстрагона

6 смокв

пупочков фазаньих 3

17 кракатуков

10 грамм пиретрума

1 бутылка атагуальна

18 сардин

спаржи 19 стеблей

фисташков 15 дюжин

5 тушек камбалы

— Извините, — сказал продавец, — вы не могли бы повторить? Этот господин так интересно рассказывает, что я невольно...

И пока шофер повторял свой заказ, он быстро и ловко собрал перед ним груды деликатесов.

— Подарочную коробку, — сказал шофер, — самую красивую.

Продавец ушел и вернулся с огромной коробкой в виде старинного ларца из тисненой кожи.

— Последняя, — сказал он, — было заказано всего десять, но их так редко берут... Эта пролежала полгода. Подойдет?

Шофер кивнул. Продавец принялся старательно размещать в коробке бутылки, пакеты, свертки и банки.

Замечательная идея Профессора, что можно искать одно, а найти другое, на самом деле заимствована из книги «Химическая эволюция» Мелвина Кальвина, выдающегося химика, исследователя фотосинтеза (цикл Кальвина). Этот ученый (большой оригинал, как и некоторые физики), в доказательство столь важной мысли приводит страничку газетного комикса (с разрешения издателя) про комичного чокнутого Профессора:

— *Грейпфрут! Где мой грейпфрут?* — воскликнул Профессор, исчезая за дверью.

Профессор, мистер Томпкинс и сэр Ричард вышли на улицу. Им пора уже было в порт.

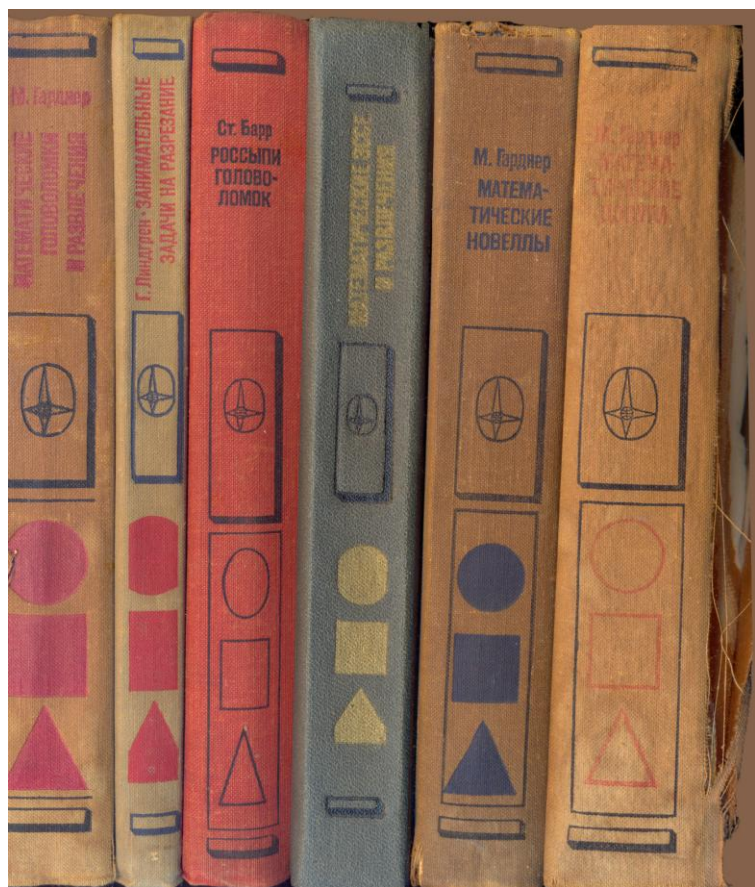
Пароход по имени «Токапароре» был невелик, но складный, с хорошими обводами, видимо быстроходный и крепкий, и внутри достаточно комфортабельный. Пассажиров было мало, толпы провожающих тоже не было. Уже провыла сирена, уже собирались снимать трап, когда на пристани появился бегущий негр-рассыльный с огромной коробкой в руках. Он взбежал по трапу, разыскал на палубе третьего помощника и вручил ему коробку, что-то быстро объясняя при этом. Третий помощник взял коробку, кивнул и унес ее. Негр сбежал по трапу на берег.

И Профессор, и мистер Томпкинс, и сэр Ричард могли бы поклясться, что это либо та самая коробка, которую они видели в магазине, либо ее родная сестра. Коробка была перевязана изящной тесьмой, под тесьму была засунута записка — очевидно с адресом. — Смотрите, — сказал вдруг Профессор, когда пароход уже отчалил и разворачивался, — опять «Серебряный Призрак»! Сколько же их в Гамбурге?

В самом деле, еще один элегантный старинный экипаж, воистину призрак прошлого, возвращенный к деятельной жизни некромантией последней моды, выезжал в это время из гавани, лавируя между кранами и стенами тюков.

— Может быть, их здесь в самом деле несколько, — сказал сэр Ричард, — но мы-то все время видели только один — номер С.С.77-7.

Это и есть номер зловещего «Серого автомобиля» А.Грина. Может быть, кто-то видел кино с Авилковым, но я что-то не припомню даже, был там автомобиль? Может, они не смогли достать такую роскошную вещь. Плохой был фильм. Роскошное казино у Грина точно было, наверно и в кино тоже. В романе у нас казино точно будет, ближе к концу.

В поисках идей я использовала и другие источники, вот эту серию математических развлечений, их все коллекционировали. Пусть думают, что мы такие умные!

У Гарднера в «Математических новеллах» помимо задачек, иногда вполне решаемых, были занятные сюжеты и такой слегка фантастически-поэтический стиль, который чуть-чуть сдвигал мозги вбок... Пыталась его усвоить.

Собрали даже Фейнмановские лекции по физике, все 11 томов! Пригодилась в роман одна фраза, которую я поняла. Из предисловия. От 11 томов благополучно избавились.

Другие прямые цитаты и заимствования будут говорить сами за себя.

На этом заканчивается

Глава I,
За ней следует Глава II...

Они хотят свою образованность показать и всегда говорят об непонятном. А. Чехов.

После обеда немногочисленные пассажиры «Токапароре» расположились на баке и закурили сигары. Нежно-розовый свет вечерней зари волновал душу, и разговор зашел об изящном.

— Интересно, — заметил Литературный Критик, — что некоторым поэтам удается написать лишь одну бессмертную строку. Все остальное в их творчестве не имеет непреходящего значения. Взять, например, Джона Уильяма Бергона. Его поэмы настолько посредственны, что сейчас их никто не читает, а ведь именно он написал одни из самых замечательных строк в английской поэзии:

Город как роза красный
Вечности вдвое моложе

Математик, любивший надоедать окружающим импровизированными головоломками, задумался на минуту, затем прочитал стихи:

Город, как роза, красный,
Полвечности только прожил.
В два с половиной раза
Был бы тот город моложе
Вечности, вдруг постаревшей
На миллиард лет сразу —
Если бы сам он сбросил
Того миллиарда тяжесть.
Возьми карандаш красный,
Возьми лист бумаги белой,
Вычисли возраст града
Цвета клубники спелой.

Литературный Критик давным-давно забыл все, чему его учили в школе на уроках алгебры. Он растерялся и стал шарить по карманам, словно там и вправду могли найтись белая бумага и красный карандаш.

— Не трудитесь, — сказал Профессор, — во-первых, стихи плохие, во-вторых, результат получится неверный. В-третьих, возраст Красного Града уже давно определен при помощи куска сала и веревки. И сделал это не кто иной, как Чарльз Дарвин.

— Это в высшей степени интересно, — воскликнул обрадованный Литературный Критик, — расскажите, пожалуйста.

— О, это долгая история, — сказал Профессор.

— Тем более мы вас просим рассказать ее, — вежливо сказал Математик.

Профессор устроился в кресле поудобнее и некоторое время молча курил, глядя на закат. Потом вдруг повернулся к Литературному Критику.

— Что вы знаете о Шамиссо? — спросил он.

— Смотря по тому, которого из них вы имеете в виду, — отвечал Литературный Критик с видом некоторого превосходства, — я могу припомнить по крайней мере... э-э... трех Шамиссо, оставивших некоторый след в истории. Один из них — французский эмигрант времен Великой Революции; некоторое время участвовал в войне против родной страны, но скоро порвал с эмигрантской партией. Был русский ученый Шамиссо; он плывал на «Рюрике» в составе экспедиции Коцебу, искавшей северо-восточный проход; первый исследователь грамматики полинезийского языка. Ну и конечно же замечательный немецкий писатель и поэт Шамиссо, автор «Петера Шлемиля». Его стихи входят во все антологии. Сразу не вспомню, но были, кажется, еще Шамиссо...

— И всех их звали Адальбертами, не так ли? — ехидно спросил Профессор.

— Да-а... Ммм... Кажется, именно так. Что вы хотите сказать? Что это одно лицо? Неужели?..

— Вот именно, — сказал Профессор. — 9 августа 1815 года Адальберт Шамиссо, немецкий поэт, французский аристократ по рождению, поднялся на борт «Рюрика» в Копенгагене, куда бриг завернул по пути из Кронштадта. Это было не простое путешествие. «Рюрик» шел теми самыми путями, по которым вздыхал Петер Шлемиль. Замечу мимоходом, что Коцебу — командир брига «Рюрик», Коцебу — посредственный немецкий писатель, и Коцебу — русский шпион, убитый Зандтом, — тоже одно историческое лицо. Впрочем, он нас не интересует. Коцебу — не Фиц-Рой...

— Кто? — робко спросил Математик.

— Фиц-Рой, капитан «Бигля». Но о нем речь впереди. Итак, Петер Шлемиль, сидя на одном из утесов Индо-Китая, заливался слезами, глядя в сторону Тихого Океана. Силы его семимильных сапог не хватало на преодоление великой водной глади, отделяющей от континента россыпь чудесных островов, коралловых рифов и атоллов. В сказке открытие Шлемиля затмило все содеянное великим инвентаризатором природы — Линнеем. У Шамиссо были теперь свои чудо-сапоги — «Рюрик», и он плыл там, куда не мог попасть Шлемиль. Век торжества науки только начинался, и Шамиссо как будто мог рассчитывать на то, чтобы прославить свое научное имя на века. Но... даже мой друг-эрудит не знает Шамиссо-биолога.

Как происходят открытия? Какие законы управляют научным процессом? Помнится, я об этом рассказывал, мистер Томпкинс?

— О да, — сказал мистер Томпкинс, — я отлично помню. В магазине Колониальных Товаров, когда вы покупали грейпфрут.

— Но мы этого не знаем, — просительно сказал Математик.

— Все же, — сказал Профессор, — позвольте мне не повторяться. Я лишь хочу опровергнуть довольно распространенное мнение, что если бы Коцебу не жалел сала, то Дарвином стал бы Шамиссо...

— Почему сала? — сказал мистер Томпкинс.

— А Город? — сказал Литературный Критик.

Давно наступила ночь. Луны не было. Собеседники не видели друг друга. Только огоньки сигар опускались и поднимались, вспыхивали и притухали. На палубе тихо пели матросы.

Нелюдимо наше море
День и ночь шумит волна
В роковом его просторе
Умывается луна.

Незримо курия в темноте, Профессор произнес стихи:

В подводном зареве мистической Авроры
Горят кораллы бездн, как странные леса
И в теплой чаше их смешались чудеса
Цветущей фауны и движущейся флоры

— Вот о каком городе я говорил.

— Ах вот как, — облегченно вздохнул Литературный Критик.

— Ну разумеется. А вы думали что-нибудь другое?

Но пусть буря ревет
Поплывем вперед
По бурному пути
Принцессу из Штерна в Маутерн
Должны мы отвезти.

- Я? Нет, я, собственно, ничего не думал.
— Тогда зачем же вы слушали? Ведь вам же было непонятно?
— О, но это было так интересно! Не правда ли, господа? — И все с ним согласились.

Поставьте парус, молодцы
Пора идти домой
Крепчает ветер, капитан
Полнеба скрыто тьмой.
Я видел новую луну
У старой на руках
Впервые в сердце у меня
Зашевелился страх

Тогда профессор пригласил всех желающих пройти с ним на ют, где в это время собирались измерять глубину.

- Друг мой, — сказал Профессор боцману, — нельзя ли привязать к лоту кусок сала?
— Отчего же, — сказал боцман, — если это вам доставит удовольствие.
И он послал юнгу к стюарду за салом.

Там за далью непогоды
В той блаженной стороне
Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне

Посланный вскоре вернулся с солидным куском отличного сала.

Боцман достал из обширного кармана тонкий тросик и крепко привязал лакомый кусок к свинцовому грузилу, приказал матросу начинать замер, и необычный бутерброд скрылся под поверхностью воды, блестящей при свете фонаря, как темный лак.

Своих моряков не дождется король
И дамы короля
Сэр Патрик Спенз лежит на дне
У борта корабля

- Я демонстрирую вам, — сказал Профессор, — технику эксперимента. Но сам по себе эксперимент — ничто. Экспериментатор — все.

Там и спит он без подушки
А вокруг него ракушки
А над ним то целый флот
То кораблик проплывет

Слушатели обступили Профессора, ярко освещенного светом фонаря. К прежней аудитории присоединился и боцман Билл, потому что ему было интересно узнать, что это за фокус с салом. Матросы перестали петь, подошли и скромно встали вокруг, в тени.
— В чем суть проблемы? Кораллы — животные мелководные. Между тем, как писал Шамиссо: «кругообразные купы островов есть плосковершинные горы, круто поднимающиеся из глубин моря: подле оных нельзя лотом достать дна». Если считать, что атоллы образуются на вершинах подводных гор, чуть-чуть не достающих до поверхности моря, то почему их так много? Сколько же гор почти одинаковой высоты должны вырасти на дне моря? И Шамиссо, ища выхода из противоречия, отказывается от представления о мелководности кораллов. Он пишет: «Капитан Росс нашел у залива Посессьон под 73°39' с.ш. живых червей (т.е. коралловых полипов) в шине грунта, вытащенной им из глубины, составляющей 1000 саженей». Это ошибка. Глубоководные виды кораллов не строят рифов. Конечно, Шамиссо не повезло с капитаном. Коцебу на науку плевать хотел.

Фиц-Рой был одержим наукой не меньше, чем Дарвин, и они вдвоем вели «Бигль» куда хотели, и держали там, сколько хотели, и проводили научные измерения с точностью не меньшей, чем при измерении курса. В частности, они «произвели лотом множество замеров глубины на внешней, крутой стороне атолла Киллинг». А лот у них был, как у нас — с салом. И сразу обнаружилась ошибка Шамиссо: отпечатки живых кораллов на сале шли лишь до глубины 56 м. Глубже к салу приставал лишь чистый мертвый коралловый песок.

Впрочем, Шамиссо чувствовал ограниченность своей теории. Он видел лишь миг из многотысячелетней истории рифов. И он писал: «Тщательное сравнение состояния какого-либо рифа в различные времена, как например по прошествии полувека, способствовало бы объяснению разных предметов Естественной Истории».

А Дарвин не хотел ждать пятьдесят лет. Как и позднее, при создании теории постепенного превращения видов, ему достаточно было взглянуть окрест внимательным оком, чтобы увидеть сразу все фазы процесса, разделенные не годами и веками, а тысячами и миллионами лет. В наше время, время узкой специализации, наука идет вглубь природы вещей, но обедняет себя, когда дело идет о поиске фундаментально новых подходов к решению коренных проблем. Дарвин не был зоологом или ботаником, он не был географом или геологом — он был НАТУРАЛИСТОМ. И он нашел отгадку. Впрочем, вы все конечно знаете его теорию.

Математик и Литературный Критик еще не решили, что ответить, но тут за их плечами послышался вежливый кашель, и в круг света выступил пожилой матрос степенного вида. — Прошу прощения, сэр, — сказал он, — очень бы вы нас одолжили... если вам не в труд, конечно. Люди мы темные, а тоже и нам любопытно. Плынешь это, а он и торчит из воды, как корзина цветов, ей-богу... да. И лагуна при нем, и облачко — все честь по чести. Занятно. Только мы, знаете, привыкли — торчит себе, и пусть. А вы тут говорите — это все откуда-то взялось. Так вот, очень бы хотелось послушать. Если вам не трудно, конечно.

И матрос поклонился.

— Охотно расскажу, — сказал Профессор, — только вы станьте поближе.

Вот что открыл Дарвин: в тех районах, где много коралловых рифов, океанское дно медленно, неуклонно опускается...

— Ух ты! Вот это да! — вскричали матросы.

— Береговые рифы все видали? — спросил Профессор.

— Видали, видали!

— Барьерные?

— А как же!

— И атоллы?

— Ну еще бы!

— Так вот, вначале — гористый островок, окруженный узкой полосой береговых рифов.

Он постепенно погружается, а на окаймляющем рифе нарастают новые слои полипов. Риф теперь напоминает крепостную стену, внутри него — кольцевая лагуна и островок посередине. Барьерный риф. И, наконец, остров полностью затонул. Прихотливые извивы по-прежнему нарастающего рифа очерчивают контур некогда существовавшего острова. Дарвин так и сказал: «Атоллы — это контуры затонувших островов». Теория рифов Дарвина простотой и величием повергает в изумление каждого...

— Ах! — воскликнул лотовый. Линь в его руках дернулся с такой силой, что матрос чуть не перелетел через фальшборт. Стоявшие рядом с ним боцман и мистер Томпкинс ухватились за линь, но их сил тоже было недостаточно. Лот продолжал рваться в глубину. На помощь пришли еще два матроса, и впятером они стали потихоньку выбирать линь, который отчаянно дергался и сопротивлялся. Помощник капитана подошел узнать, что тут за шум. Все матросы, свободные от вахты, и все пассажиры столпились на юте, жадно вглядываясь в темную воду. И вот загадочное явление объяснилось...

Над водой показалась отвратительная морда акулы. Очевидно, гнусная гадина, учуявшая запах экспериментального сала, заглотнула его вместе со свинцовым грузилом, но эта добыча оказалась последняя в ее жизни...

Акула, чувствуя, что ее вырывают из родной стихии, отчаянно забилась, но с ней быстро справились, накинув на хвост мертвую петлю. Еще несколько мгновений — и акула была поднята над бортовыми сетками и сброшена на палубу. Тотчас один из матросов осторожно приблизился к акуле и сильным ударом топора отсек ее страшный хвост. Но это было еще не все. Предстоял еще осмотр акульего желудка. Матросы, зная, до какой степени эта прожорливая рыба неразборчива, обыкновенно ждут от подобного осмотра какого-нибудь сюрприза, и ожидания их не всегда бывают напрасны. Огромную рыбу без дальнейших церемоний вскрыли ударами топора, но в желудке ее ничего не было, кроме уже всем известного грузила с привязанным к нему салом. Разочарованный помощник уже приказал было списать рыбу за борт, как вдруг из ее распоротого брюха на окровавленную палубу выкатилась небольшая бутылка...

Она блеснула при огне, как тусклый изумруд.

— Мюльреди, — сказал помощник капитана, жестом подзывая одного из матросов, — ступайте к капитану и доложите... — тут Профессор наклонился над бутылкой, всмотрелся в нее и присвистнул... — доложите, что в пойманной акуле была бутылка.

— Если принять во внимание, КАКАЯ это бутылка, — сказал Профессор, выпрямляясь, — то вы с таким же успехом можете доложить, Мюльреди, что пойманная акула была в бутылке.

Ошеломленный матрос отправился к капитану.

— Что вы имели в виду, господин Профессор? — сказал мистер Томпкинс.

— Здесь есть человек, который ответит на этот вопрос гораздо лучше меня, — сказал Профессор, глазами отыскивая в толпе Математика. Тот подошел и тоже нагнулся над бутылкой.

— А-а, — сказал он, — вы правы. Можно сформулировать и так. Это бутылка Клейна.

— Что?! — воскликнули сразу несколько голосов, но в этот момент раздался громкий крик:

— Смотрите! Все смотрите скорее! Красота-то какая!

Здесь читателю следует, или во всяком случае не возбраняется, вообразить картину извержения подводного вулкана. Или даже видео. За разъяснением возвращайтесь к началу, к «Спору о загадочной планете» Д.Биленкина. Не забывайте, все происходит ночью.

Когда уже ничего нельзя было разглядеть, кроме светлого зарева над горизонтом сзади по курсу, мореплаватели стали понемногу приходить в себя.

— Что это было? — спросил мистер Томпкинс.

— Рифт, — ответил Профессор, — оживший рифт. Знаете, как говорят, плох тот рифт, который не хочет стать океаном...

— Вот и хорошо, что вам все понятно, — обрадованно сказал мистер Томпкинс, — значит, можно спокойно идти спать, а то очень спать хочется...

И все ушли.

— Сэр Ричард, — сказал Профессор, — ведь вы, кажется, знали Вегенера?

— Да, — тихо сказал сэр Ричард. — Светлая ему память.

Легенда приписывает основание города Паулина знаменитому пирату капитану Паулю, тому, который на груди носил на якорной цепи туфельку безвременно погибшей любимой. Сей, стоя на мостике мрачно прославленного корвета «Скверна», проходившего узким проливом и созерцая берег в подзорную трубу, воскликнул — «Канальство!» — имея в виду столовую возвышенность с отвесными склонами — да, он сказал: «Канальство! Если бы кто вздумал построить город там наверху, то, разрази меня гром, хотел бы я видеть того молодца, который взял бы этот город приступом с моря или с суши!»

.....
« Так это она? — сказал мистер Томпкинс, когда профессор позвонил у дверей отеля, — мадам Виардо, о которой я читал в рукописи в библиотеке в Гамбурге? Невероятно!

.....
— Невероятно, — воскликнула маленькая прелестная женщина, вскакивая из-за швейной машины в роскошной гостиной, куда их ввел пожилой представительный негр.
— Я бы впала в отчаяние, — сказала мадам Виардо, — господин Профессор, ну можно ли не предупреждать? Мистер Томпкинс, наконец я и с вами знакома. Сэр Ричард, Король будет так рад. — Гораций, друг мой, — обратилась она к негру, — скажите Королю, что я приглашаю его сюда. — Я вам этого, господин Профессор, все равно никогда не прощу. Я бы не пережила, если бы мне пришлось отпустить вас без моего парадного ужина, а для него не все в Паулине есть, и я всегда заказываю заранее в Европе, в одном магазине. И вот — представляет? — как раз перед вашим появлением мне приносят этот самый набор! Не чудо ли? Что они там напутали? Но это необыкновенная удача! Сегодня пируем! Ваши комнаты...

— О, у меня сегодня большой день, — сказала Ирэн.
В холле хлопнула дверь и прозвучал женский голос. Хозяйка вышла встретить приезжую даму. Король, который рассказывал Профессору об одном мало известном обычае даяков, замолчал, и стал слушать невнятный, но веселый разговор двух женщин. Обрывок самого разговора долетел до сидевших в гостиной, когда хозяйка и гостя прошли мимо открытой двери. — Почему не сказать просто «лошадь»? — произнес красивый молодой голос, и мадам Виардо засмеялась. Никто не успел разглядеть неизвестную: в узком дверном проеме мелькнули ее упругие шелка, шляпа с траурными перьями, густой вуаль и необычайно сложная и пышная прическа из туго уложенных светлых волос удивительного оттенка — почти розовых.

— Эта дама, — сказал Профессор, когда Ирэн вернулась, — надеюсь, будет присутствовать на ужине?

— Боюсь, что нет, — сказала мадам Виардо. — Это моя дальняя родственница. Ее зовут Каролина.

.....
— Ваша прежняя комната, если помните, — сказала мадам. — Знаете, кто тут жил две недели назад? Уоллес.

— Альфред! — воскликнул Профессор, — какая досада, что мы разминулись. Теперь он, конечно, исчезнет еще лет на восемь где-нибудь в Новой Гвинее?

— Он собирался, кажется, на Суматру, — сказала Ирэн и ушла.

.....
— Гм... Это веер. Его забыла здесь мадам Виардо. Надо отнести его ей. Она собиралась готовить для нас свой коронный ужин. Значит, она сейчас на кухне. На кухне очень жарко. Я должен отнести этот веер мадам Виардо.

.....
— Нельзя! Нельзя! Секрет! Сюрприз! Это моя тайна, я никого...

— Прошу прощения, мадам, ваш веер...

— Спасибо, не стоило трудиться, — сказала Ирэн, — веер мне сейчас...

И она показала Профессору обе свои маленькие ручки, испачканные малиновым соком. Профессор поклонился, положил веер на край ближайшего стола и вернулся к себе в номер. Поднимаясь по лестнице, он продолжал видеть внутренним зрением увиденный краем глаза в полутемном помещении, в ту четверть секунды, когда его оттуда выпихивали, обширный стол с разложенными на нем перепелками профитролями анчоусами манго смоквами и другими деликатесами.

— О целитель жемчужин! — сказал Профессор, войдя в номер и бросаясь в кресло. — Будь ты на моем месте, ты, я уверен, успел бы заметить даже, что перепелов было именно 16, а анчоусов — 9!

.....

Небесный свод, горящий славой звездной, таинственно глядит из глубины окна. Мистер Томпкинс пытался отыскать созвездие Дракона, что ему почти никогда не удавалось. Наконец он увидел его так ясно, словно оно было обведено мелом. Профессор задумчиво вертел в руке свой грейпфрут. Сэр Ричард произнес:

Изгнанник-Король
С печальным радостным ртом
Ночь звезда твоя

— Благодарю, мой друг, — сказал Король, улыбаясь своей удивительной улыбкой. — Вы заговорили о звездах... вот вам прекрасный повод еще раз проявить свой талант. Король прошел через всю комнату и остановился у занавеси, закрывавшей террасу. — Местоположение этого дома, — сказал Король, — не совсем обычно. Он стоит точно на границе между двумя полушариями. Эта верхняя гостиная спланирована так, чтобы из ее окон были видны небеса различных частей света. Король отдернул занавес. Открылась бездна, звезд полна. Рисунок созвездий был пугающе чужд. Пораженные, все подошли к балюстраде. И снова молчание нарушил сэр Ричард. Он произнес:

Небо, не душу
Меняет уехавший
В дальние страны

— М-м-м... Неудачно, — сказал Профессор.
— Вы правы, — сказал сэр Ричард, — может быть, так:

Небо на душу
Меняет уехавший
В дальние страны

— Господин Профессор, — сказал мистер Томпкинс, когда Король увел сэра Ричарда в свой кабинет, чтобы показать ему новые экспонаты своей коллекции, — последнее время, я замечаю, некоторые высказывания сэра Ричарда облечены в определенную форму. И я никак не могу понять, что это — стихи? афоризмы? пословицы?

— Хайку, — сказал Профессор.

— Что? — сказал мистер Томпкинс.

— Хайку, — сказал Профессор, — специфическая форма японской поэзии, поэтическая миниатюра из трех силлабических строчек — по 5, 7 и 5 слогов. Такая вертикальная симметричность придает стиху особенное равновесное, успокоенное звучание...

Виртуозность хайку в тончайшей игре намеков, аллитераций и аллегорий, которая превращает стихотворение для искушенного читателя, вернее, для созерцателя, в прекрасный цветок, лишь сердцевина которого намечена семнадцатью слогами, каждый из которых — знак мириадов резонирующих с ним значений, написаний и образов. Но при этом главный критерий оценки хайку — высокая культура текста в сочетании с безыскусственностью и простотой.

Фразовое построение хайку, как и вертикальная симметричность строк, связано с питающей хайку философией дзэн, сообщающей этому крошечному построению такую энергетическую мощь. Смысловая схема построения хайку: человек, остановленный природой в своем индивидуальном движении. Момент соотношения личного вектора с мгновенной результирующей природных совокупных сил — «поворота», «доворачивания», иногда мучительного, иногда невозможного, иногда разрывающего сердце, иногда, при совпадении векторов, это чистая радость гармонии, краткий момент незамутненности души.

Представьте себе, мистер Томпкинс, какую нагрузку несет в хайку собственно экспозиция, то маленькое наблюдение природы, которое присутствует в каждом трехстишии, какой выверенностью и авторитарностью оно должно обладать, чтобы говорить от имени природы в целом, суметь «перевернуть душу» человека в буквальном смысле этой фразы, оторвать ее от значимого Я для приобщения к более высокому бытию природы. Если совпадение чувств достигнуто, возникает мгновенная иллюзия знания бытия, которая тут же разрушается потоком времени, но остается в нашей памяти частицей нашего Я. С этим и связана технология фразового построения. Построчная фразовая конструкция необходима для равновесности текста. Каждая строка должна иметь самостоятельное, вполне законченное «удовлетворенное» бытие, поверхность ее выверена и установлена. Легкий привкус тоски по временности, непостоянству всякой красоты и жизни течет холодной плазмой в межстрочном пространстве, строки же медитативны и спокойны. Мгновенное созерцание в пустыне мира. И ничего сложного в этой науке нет.

— Господин Профессор, — сказал мистер Томпкинс, — но тогда, согласитесь, далеко не все хайку сэра Ричарда можно назвать строгими?

Профессор печально посмотрел на дверь, в которую недавно удалился сэр Ричард.

— Ему можно простить, — сказал Профессор, — он много страдал.

.....

Самое время остановиться, оглянуться. Лекция о хайку – это целиком эссе Кари. К сожалению, пропала вторая часть, о переводе, она была наверняка более ценная. Очень актуальная была тема. Великая женщина Вера Маркова, какую игрушку нам подбросила! Развлекались кто как мог. Кари сочиняла свои с глубоким смыслом. Я перекраивала любую подвернувшуюся фразу, считая слоги по пальцам. Однажды вспомнила вот это античное изречение о ненужности путешествий, поделила на три строчки. Нет, сказала Кари: Небо НА душу...

Стихов вообще многовато, среди них английская баллада про адмирала Патрика Спенса, который погиб вместе с королевской невестой. Про «город, как роза...» и задача – из математических забав, дальше будет совсем большой кусок, про отравленный бокал; кино, о котором рассказывают – чешский фильм «Пекарь императора», про знаменитого Рудольфа, покровителя алхимиков. Акула, понятно, из «Детей капитана Гранта» в переводе бабушки А.Блока.

Король – свергнутый полинезийский король Камехамеха, необычайно красивый, с татуировками. Муж m-m Виардо.

Присутствуют и упоминаются знаменитые путешественники, гости отеля.

Отель обставлен с удивительным вкусом, с налетом колониального стиля.

— Сэр Ричард, — сказала мадам Виардо, — я знаю, что вы предпочитаете виски, но мне бы хотелось, чтобы вы оценили этот старинный Атагуальп и высказали свое о нем мнение. Во время экспедиций сэр Ричард никогда не пил. Он поднял бокал, посмотрел сквозь вино на пламя свечи и произнес хайку:

Хафиз говорит:
Весь мир — в бокале вина:
Он, конечно, прав.

— Утверждая, что Хафиз прав, — сказал Профессор, — вы также, конечно, правы, сэр Ричард. Мы, вероятно, никогда не поймем, какой смысл он в это вкладывал, ибо поэты пишут не для того, чтобы быть понятыми. Но бесспорно, что внимательно взглянув в бокал вина, мы поистине откроем целый мир. В нем и физические явления (искрящаяся жидкость, испарение, меняющееся в зависимости от погоды и вашего дыхания, блеск стекла) и атомы (о которых нам говорит уже наше воображение). Стекло — это очищенная горная порода; в его составе кроются секреты возраста Вселенной и развития звезд. А из какого удивительного набора реактивов состоит это вино! Как они возникли? Там есть закваска, ферменты, вытяжки и разные другие продукты. Ведь в вине скрывается большое обобщение: вся жизнь есть *брожение*. Изучая химию вина, нельзя не открыть, как это и сделал Луи Пастер, причины многих болезней. Сколько жизни в этом вине, если оно навязывает нашему сознанию свой дух, если мы должны быть столь осторожны с ним! Наш ограниченный ум делит для удобства этот бокал вина, этот мир на части: физику, биологию, геологию, астрономию, психологию и так далее, но ведь природа на самом деле никакого деления не знает! Давайте же и мы сольем это воедино, не забывая все же, что мы увидели. И пусть этот бокал вина доставит напоследок еще одно наслаждение: выпить его и обо всем позабыть!

— Ваше рассуждение, господин Профессор, — сказал Вамбери, — напоминает мне один любопытный диалог, который мне довелось как-то услышать. Беседовали две дамы. «Не правда ли, — сказала одна из них, — модель любого явления всегда неверна, а метафора — всегда верна?» — «И заметь притом, — сказала другая, — верна любая метафора».

— О, я знаю, о ком вы говорите, — сказала мадам Виардо, — где вы встретили этих дам? — На дороге в Мандалей, — сказал Вамбери.

— Я так и думала, — сказала мадам Виардо, — это мои дальние родственницы.

— Я тоже знаю одну историю про бокалы и мир, — сказал Свен-Гедина. — В одном старом фильме — не помню, как он назывался — придворный астролог объяснял королю гелиоцентрическую систему Коперника. Он поставил один бокал посередине стола — это было солнце, а другие бокалы планеты и спутники, и он их двигал вокруг солнца, пока все не перепутал, а вся прелесть в том, что придворные хотели отравить короля и один бокал был с ядом...

— Однажды нечто в этом роде случилось на моих глазах, — сказал мистер Томпкинс. — Я жил тогда в отеле «Ренессанс». Однажды в ресторан отеля — это было во время обеда, в зале было от 100 до 200 человек, точно не помню — вошел комиссар полиции с помощниками и потребовал, чтобы никто не пил вина, потому что в одном из бокалов яд. Все бокалы — больше ста — собрали на банкетном столе, чтобы выяснять, в каком именно яд, и послать на анализ в дактилоскопическую лабораторию. Эксперт-химик собирался брать пробу из каждого бокала, но это было бы слишком долго, и комиссар хотел сократить число анализов до минимума. Он позвонил в Университет, и оттуда приехал профессор математики. Он пересчитал бокалы, улыбнулся и сказал: «Выбирайте любой бокал, какой вам понравится, комиссар. С него и начнем анализ». — «Стоит ли так делать? — спросил комиссар. — Ведь следствию дорога буквально каждая минута». — «Стоит, — ответил математик. — То, что я предлагаю, ведет к скорейшему установлению истины».

И вот, представьте, он нашел бокал с ядом, сделав всего восемь проб!

— Не понимаю, — сказала мадам Виардо, — ведь вы говорили, что бокалов было больше ста?

— Могу сказать совершенно точно, — сказал Профессор, — бокалов было 129.

— Как же так, господин Профессор, — воскликнул мистер Томпкинс, — разве вы были тогда в отеле «Ренессанс?»

— Нет, конечно, — сказал Профессор, — впрочем, вы сейчас все сами поймете.

Профессор попросил у каждого из присутствующих его бокал и составил все восемь бокалов в центре стола.

— Сначала, — сказал он, — мы разделим все бокалы на две группы — в данном случае в каждой будет по четыре бокала. Отбираем пробы из каждого бокала одной группы и сливаем их вместе... — с этими словами Профессор отлил в блюдечко по капле вина из четырех бокалов, — а затем проводим анализ. Результат покажет, в какой из двух групп находится отравленный бокал, и тем самым мы сузим поле поисков вдвое... — тут Профессор вынул из нагрудного кармана флакончик с капельницей. — Для наглядности я даже произведу анализ. Если бы в вашем вине, дорогая мадам Виардо, был яд, жидкость в блюдечке помутнела бы... — и Профессор капнул из флакона в блюдечко. Прозрачное красное вино мгновенно стало белым, как молоко. Вскоре муть осела белыми хлопьями...

Сэр Ричард вернулся в свой номер с твердым намерением заснуть хоть ненадолго. Но это ему не удалось. Он не успел еще снять фрак, когда в маленьком померанцевом садике под окнами послышались нежные звуки струнного инструмента. Серенада, видимо, предназначалась его розоволосой соседке, даме по имени Каролина.

*Тихо ночь благовонная
опустилась окрест
На излучины сонные
смотрят тысячи звезд*

*Волн соленых дыхание
еле слышно кругом
Спишь ли ты, о Титания?
я стою под окном*

В спальне холодно и странно
Слуги спят, и ночь мутна
Дева Света!
Где вы, Донна Анна?
Взойди же наконец, желанная луна!

*Над сводом спящего моста
Стоит печальная звезда
Звезда тревоги нашей, но
Другой не будет все равно*

Сияй, сияй, прощальный свет!
Надежды нет.
На оружии ржавчины след.
Тени воинов этот покинули свет.
О Леди, нет,
Надежда есть.
Умрем, когда умирает честь.

*Свирель запела на мосту
Звезда восходит в высоту
Смотри какая тишина
Над ней ночная глубина*

*Там ангел спит и видит сны
Такой глубокой тишины
Никто не видел никогда.
Гори, сияй моя звезда.*

*Свирель поет. Взошла звезда. Оставь надежду
Навсегда*

— О боги, боги, — думал сэр Ричард, —
Нет мне ночью покоя...
Яду мне, яду...

*Последний мост и вверх и вниз
Пером серебряным повис
Впадая под последний мост
Вода глядит глазами звезд
Наш путь окончен. Не спеши.
Ты смотришь звездами души.*

Взошла луна. Окончен день забот.
Сними с меня доспехи, Эрос.

На следующее утро Профессор, мистер Томпкинс и сэр Ричард завтракали в обществе мадам Виардо и Короля, когда к подъезду был подан поезд, состоявший из паровоза и двух вагонов. Паровоз звали Шервуд, а машиниста — мистер Вильямс. Отъезд несколько затянулся, потому что все жильцы отеля непременно хотели попрощаться с тремя путешественниками самым сердечным образом. Наконец поезд тронулся, и вскоре гостеприимный город, который все трое успели полюбить, как родной, остался позади.

Жалко, что тогда, в середине 70-х, опубликована была только небольшая глава из «Приключений мистера Томпкинса»! Можно было задержаться на день-другой.

Глава шестая у Гамова называется «Космическая опера».

«Паулина», которую мы придумали для игры, чтобы например превращать мелкие житейские события в драматические или комические сюжеты, чтобы переносить туда знакомых и родственников под литературными именами, чтобы мечтать о тепле, о море, о цветущих деревьях — когда, как сейчас снег идет и не думает перестать...

Паулина должна находиться на восточном побережье Африки, на высоком скалистом берегу над океаном, окруженная тропическими лесами, саваннами, возделанными полями и пышными садами... Город основан культурными колонизаторами, в нем дома в роскошном стиле барокко и классицизма фантастически соседствуют с лучшими образцами тропической флоры.

Мы успели придумать только кино, синема, основанное двумя отчаянными фотографами-французами. Они пытаются снимать природу, слонов, антилоп, обезьян, а для заработка привезли с собой пару старых лент (типа «Прибытия поезда»), и оборудовали при лаборатории зал с экраном и дюжиной плетеных стульев. Почему-то это изобретение вошло в моду, и «лучшие люди города» посещают его раз в неделю, всегда по четвергам... Хотя новые фильмы появляются раз в год. Ну может два.

Есть в Паулине и Театр, пышное здание, и в нем выступают гастролирующие труппы.

Мистер Томпкинс сидит в кресле красного бархата, ожидая, когда взовьется занавес... «Космическая опера». В самом деле, что в человеческом творчестве сравнится с Научным Познанием Вселенной, как не Симфоническая Музыка (или Опера, что то же самое)! Два этих явления возникли одновременно, как производные возникшего нового ощущения мира, ГУМАНИЗМА. Зародились они в Италии, в XIV — XV веке (нижний предел все время углубляется). Наука потом сместилась к Западу, к англо-саксам, а романские народы больше налегали на Оперу. Но смысл их усилий — Согласие разного и Множественного в Единстве, от величайшего до неуловимо малейшего, от Атома до Цивилизации. «Сотворение сложности» — так называлась одна из книг об эволюции. Так могла бы называться и поставленная Гамовым опера...

«И взвившись, занавес шумит», и мистер Томпкинс видит «человека в черной сутане и белом воротничке». Это аббат Жорж Леметр из Бельгии, который первым предложил теорию Расширяющейся Вселенной (теорию Большого Взрыва). Музыка невидимого оркестра сменилась звучанием органа. Первые куплеты Арии Леметра мистер Томпкинс помнит и до сих пор...

Величественно

p O. A-tome prree-morr-diale! All-con-tain-eeng A-tome! Dees-
p -solved een-to frrag-ments ex-ceed-eeng-ly small. Gal-ax-ies
pp forrm-eeng. Each wiz prri-mal en-err-gy! O rra-dio ac-tif A-tome! O
cresc. mf all-con-tain-eeng A-tome! O Un-i-vairr-sale A-tome. Worrk of z' Lorr'd!

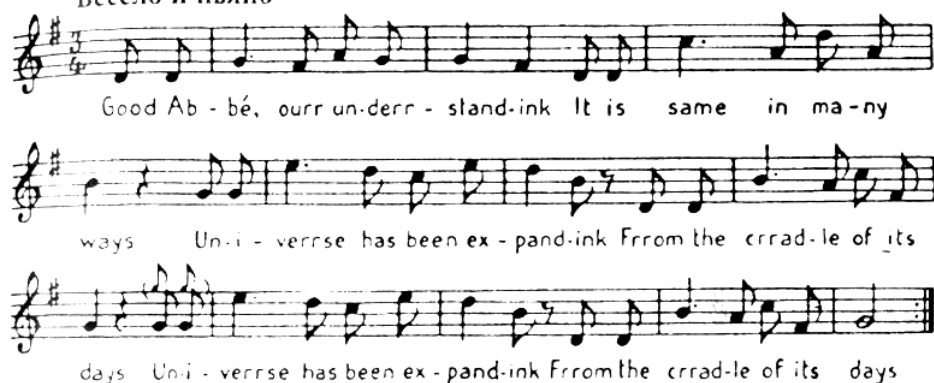
O, Atom prreemorr-diale!
 All-containeeng Atom!
 Deessolved eento fragments exceedeengly small
 Galaxies forrmeeng
 Each wiz primal energy!
 O, rradioactif Atom!
 O, all-containeeng Atom!
 O, Univairrsale Atom –
 Worrk of Z'Lorr'd!
 Zlong evolution
 Tells of mighty firreworcs
 Zat ended een ashes and smouldairreeng weesps.

O, Атом первичный!
 Всесодержательный АТОМ!
 Распавшись на мельчайшие осколки,
 Ты образует галактики,
 Каждую - со своей первичной энергией!
 O, Радиоактивный АТОМ!
 Всесодержательный АТОМ!
 O, Атом Единый –
 Творение Господа!
 Долгая эволюция
 Говорит нам о чудовищных фейерверках
 Заканчивающихся тлеющими углями...

(Здесь звучит псалом «Приидите, праведные!».
 Следующий номер — гимн «Правь, Британия!»).

Откуда ни возьмись появился высокий мужчина, который оказался русским физиком Георгием Гамовым. Вот что он запел:

Весело и пьяно

Good Ab - bé, ourr un-derr - stand-ink It is same in ma - ny
ways Un-i - verrse has been ex - pand-ink Frrom the crrad-le of its
days Un-i - verrse has been ex - pand-ink Frrom the crrad-le of its days

Good Abbe, ourr underrstandink
It is same in many ways.
Univerrse has been expandink
Frrom the crradle of its days.

Славный отче, наши представления
Во многом совпадают.
Вселенная расширяется
С самого рождения.

.....
You have told it gains in motions.
I regret to disagree,
End we differ in ourr notions
As to how it came to be.

.....
Но вы утверждаете, что она все прибавляет в движении.
К сожалению, не могу с вами согласиться.
Расходимся мы и в наших представлениях
По поводу того, как это может произойти.

It was neutrron fluid – nevrer
Primal Atom, as you fold.
It is infinite, as everr,
It is infinite of old.

Сначала была нейтронная жидкость,
А не первичный Атом, как вы утверждаете.
Она простиралась бесконечно
И существовала бесконечно давно.

Музыка и слова арии порождали величественные картины: как некогда (несколько тысяч миллионов лет назад) газ коллапсировал, уплотнился, как все пространство наполнилось нестерпимым блеском, как в это критической точке свет преобладал над материей, как метр над рифмой, пока не последовал сильнейший первичный толчок, и свет стал меркнуть, материя стала преобладать над светом, затем образовались гигантские газовые облака (согласно гипотезы Джинса), известные как протогалактики, протогалактики разбились вдребезги и разлетелись в ночи.

Из них образовались звезды и рассеялись, и все космическое пространство наполнилось светом. Галактики будут безостановочно вращаться, звезды выгорят до последней искорки, Вселенная наша будет становиться все разреженной, пока не превратится в безжизненную холодную и темную пустыню...

Третью арию, запавшую в память мистеру Томпкинсу, исполнил автор оперы, внезапно материализовавшийся из ничего в пространстве между ярко сиявшими галактиками. Он вынул из кармана едва народившуюся галактику и запел:

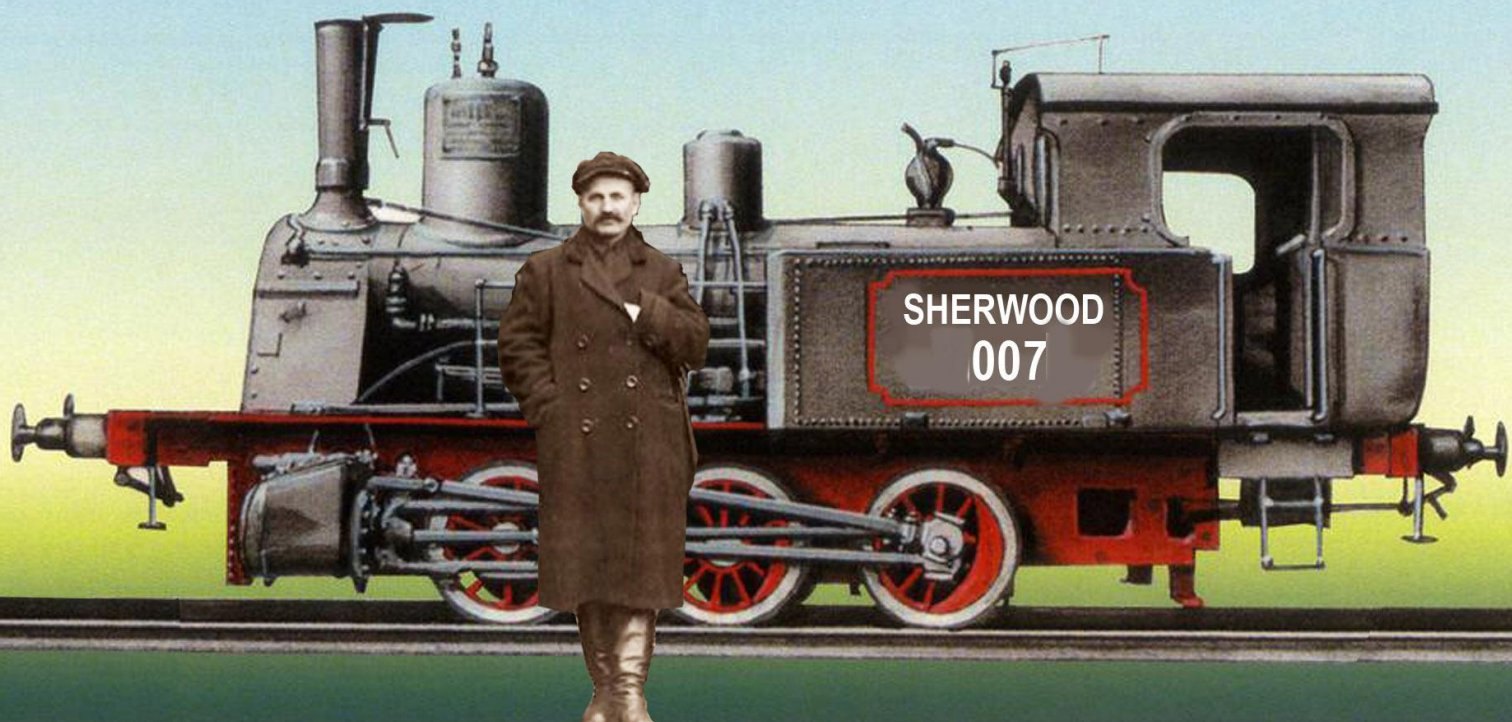
The universe, by Heaven's decree,
Was never formed in time gone by,
But it, has been, shall ever be –
For so say Bondi, Gold and I.

Вселенная не возникла вдруг,
По велению Небес, в прошлом,
Она есть, была и будет всегда,
Ибо так говорят Бонди, Голд и Я.
Оставайся, о Космос, о Космос, навсегда

Stay, O Cosmos, O Cosmos, stay the same,
We the Steady State proclaim!

одним и тем же!
Мы провозглашаем стационарное состояние!

ПАРОВОЗ ЗВАЛИ ШЕРВУД, А МАШИНИСТА МИСТЕР ВИЛЬЯМС

Шервуд с мистером Вильямсом – герои английского сказочника Дональда Биссета. У него всех героев как-нибудь зовут, утку, лошадь, тигра например звали Ррр. Очень хорошее имя, Биссет рассказывал детям сказки по радио, представляете, как это звучало! Тигр – путешественник из длинного рассказа «Путешествие по реке Времени», а поезд с машинистом, кажется из сборника «Пропавший день рождения». Рассказы у него были коротенькие, на несколько минут, чтобы дети засыпали, изумленно улыбаясь, потому что сюжет у него развивался по законам абсурда и доброты, нелепо и радостно. Прототипом поезда по имени Шервуд, по-моему, был новенький маневровый паровозик из рассказа Киплинга 007.

Не он ли заодно прототип Джеймса Бонда? Очень деловой был паровоз, успешный.

Переезд предстоял долгий, поэтому имело смысл заняться пока чем-нибудь серьезным. Сэр Ричард достал свою карту, расстелил ее у окна и склонился над ней.

Профессор, сидя рядом с ним, что-то азартно писал и зачеркивал в толстом блокноте, сверяясь с таблицей семизначных логарифмов. Мистер Томпкинс некоторое время смотрел, как Профессор хмурит и поднимает брови, как он задумывается, а потом лукаво улыбается. Потом отвел взгляд и стал смотреть в окно, любуясь меняющимися пейзажами этой красивой страны. Он повторял про себя свою любимую песенку:

«Гори, гори, моя звезда», и у него стало получаться:

«Гори, Шервудская звезда»,
пускай несутся поезда
пускай несутся
в свет и мрак
куда-нибудь
и просто так
Мне снится сон
всегда один
так снится даме паладин
изгнаннику
родной очаг
что счастье - прах
и гибель - прах
что жизнь проходит

и он незаметно задремал, и видел во сне сначала то же, что и наяву, а потом все стало так странно и страшно, что он похолодел от ужаса и не мог пошевелиться и сказать слово.

Будто бы Профессор сказал, что смысл жизни можно постигнуть только босиком. Сэр Ричард сказал, что ходить босиком не *comme il faut*.

Профессор сказал, что сэр Ричард аристократ и сноб. Тогда сэр Ричард резко ответил, что не надо быть аристократом, чтобы не терпеть фамильярности.

просто так.
Так раненому
снится враг
Молчи скрывайся
и таи
и чувства
и мечты свои
О вы которых
быстрый зрак
пронзает в книгу
вечных прав
которым вещи
малый знак
являет вещества устав
вам путь понятен
всех планет
зачем на свете
счастья нет
Природы заперты
врата
за ними скрыта
тайна та.
от них потеряны
ключи
ищи их втайне
и молчи
Тебе навек
отныне свят
познания
прекрасный яд
ищи скрывайся
и таи
надежды
и мечты свои
О счастье прах
и гибель прах
надежды нет
в моих мечтах
Любви приветная
звезда
она с тобой
не навсегда
Звезда прекрасная
Земля
она с тобой
всегда твоя
вспоминанья
тех минут
они прошли
они пройдут
живой родник
блаженный яд
за каждый миг
за каждый взгляд
заплатишь
золотом
зари
*Проснись.
Запомни.
Повтори.*

Профессор спросил с издевкой, не надо ли эти слова понимать как вызов на дуэль. И тут мистер Томпкинс заплакал. Слезы текли у него потоком, он боялся, что их заметят, и от стыда плакал еще больше. Профессор и сэр Ричард перестали ссориться и делали вид, что не видят его состояния, и тут начался совсем кошмар. Сэр Ричард начал рассказывать какую-то историю про охоту индийского раджи на буйвола, путался, сбивался и все время повторял одно и то же. Профессор сказал, что в детстве он очень любил подражать голосам разных животных, и стал рычать и мяукать, обращаясь все время к мистеру Томпкинсу. «А знаете ли вы, - сказал Профессор, - какой возглас издает разъяренный гиппопотам?» - и Профессор громко и торжественно произнес: «КХ-ГМ!» Мистер Томпкинс проснулся.

- Кх-гм! - громко сказал Профессор, опуская свои бумаги и глядя на него с торжеством. Мистер Томпкинс перевел дыхание. - Я сразу понял, - сказал Профессор, - что заказ шофера шифровка, и записал его. (См. ниже) При дешифровке первое дело пересчитать все, что можно. В заказе 19 пунктов. Все фигурирующие в них числительные не повторяются и составляют ряд от 1 до 19.

Фраза «**почем опиум для народа**» - безусловно кодовая, и в ней тоже 19 букв. Я предположил, что числительное обозначает номер буквы - n - в кодовой фразе, и эта буква должна быть в названии продукта, которому сопоставлено числительное, и она там оказалась, причем один раз. n-ная буква стоит в названии на месте k. Число k показывает, сколько букв в алфавите надо отсчитать от буквы n, не считая ее самой, k началу алфавита, если числительное стоит перед названием, и k концу, если числительное стоит после названия. Итак, каждой букве n соответствует буква n¹. Если буквы n¹ следуют в порядке называния пунктов заказа, то кодовая фраза переходит в следующую:

«**У ВХОДА В УЩЕЛЬЕ ДЖАГЕЙ**».

Кажется, это название места, которое так интересует вас, сэр Ричард...

- Он спит, - сказал мистер Томпкинс.

- Ох, - сказал Профессор, - а я-то...

Сэр Ричард спал над своей картой, положив голову на руки.

(Р.Киплинг, «Баллада о Западе и Востоке»).

N	заказ шофера	код тон	n	↑K↓	алфавит с номером	n ¹	N	искомая фраза
I	перепелов 16 шт	П-1	атагуаль ^{←9} Па	↑9	А 1	Ж XV	Г	У
II	12 профитролей	0-2	манг ^{5→} О	5↓	Б 2	У VIII	И	В
III	сарсапариллы 7гран	Ч-3	пупо ^{5→} Чков (фазана)	5↓	Г 4	Ь XII	И	Х
IV	9 анчоусов	Е-4	дж ^{←3} ейрана	↑3	Е 6	В VII	У	О
V	8 ст. малины	М-5	ка ^{←3} Мбалы	↑3	Ж 7	Й XIX	У	Д
VI	11 ландрин	0-6	см ^{←3} Окв	↑3	И 9	Л XI	VI	А
VII	4 ф. джейрана	П-7	сарса ^{6→} Париллы	6↓	Й 10	Х III	VII	В
VIII	манго 2 шт.	и-8	мал ^{←4} Ины	↑4	Л 12	Д V	VIII	У
IX	13 лож. киселя	У-9	анчо ^{←5} Усов	↑5	М 13	О IV	IX	Ц
X	14 пл. эстрагона	М-10	пиретру ^{←8} Ма	↑8	Н 14	Д XIV	Х	Е
XI	6 смокв	Д-11	лан ^{←4} Дрин	↑4	О 15	А VI	XI	Л
XII	пупочков фаз. 3	Л-12	профитро ^{←9} Лей	↑9	П 16	В II	XII	Ь
XIII	17 кракатуков	Я-13	кисел ^{←6} Я	↑6	Р 17	Щ IX	XIII	Е
XIV	10 гр. пиретрума	Н-14	эстраго ^{←8} На	↑8	С 18	Ц X	XIV	Д
XV	1 бут. атагуальпа	А-15	фист ^{5→} ашков	5↓	Т 19	Е XVII	XV	Ж
XVI	18 сардин	Р-16	пе ^{3→} репелов	3↓	У 20	У I	XVI	А
XVII	спаржи 19 ст	0-17	кракату ^{←9} кОб	↑9	Ф 21	Е XIII	XVII	Г
XVIII	фисташков 15 д	Д-18	сар ^{←4} Дин	↑4	Х 22	А XVI	XVIII	Е
XIX	5 т камбалы	А-19	сп ^{3→} аржи	3↓	Ц 23	Г XVII	XIX	Й
					Ч 24			
					Ш 25			
					Щ 26			
					Ъ 27			
					Ы 28			
					Ь 29			
					Э 30			
					Ю 31			
					Я 32			

НЕ ОБРАЩАЙТЕ ВНИМАНИЯ, НЕ ЧИТАЙТЕ, НЕ СЧИТАЙТЕ!

Хотя здесь все точно, но это только для понта.

Тут вошел проводник и принес чай. Наступил вечер.

Профессор, мистер Томпкинс и сэр Ричард проснулись наутро в своем купе в прекрасном настроении, позавтракали в вагоне-ресторане и занялись не спеша каждый своим делом. Профессор читал толстую книгу и делал пометки, сэр Ричард разбирал и смазывал ружья одно красивее другого, а мистер Томпкинс думал, что пора бы начать перерабатывать свои заметки в первый очерк, но не делал этого, а смотрел в окно. Поезд иногда останавливался, какие-то люди, кажется, входили и выходили, разговаривали на неизвестном языке, но трое путешественников никого не видели и обедали снова одни. Во второй половине дня пейзаж за окном вагона стал весьма своеобразен. Они ехали по низкой массивной железнодорожной насыпи, не то дамбе, поросшей темными елками. Слева все время тянулась узкая полоса океана, а дальше ничего не было. В ярко-синем небе плыли облака, а в океане айсберги. Вот и все.

Профессор посмотрел в окно.

— Именно так, — сказал Профессор, — выглядел мир в представлении индейцев Аляски: тлинкитов, цимшиан и других. Он у них тянулся узкой полосой с юга, на севере где-то кончался, и там жил Людоед-на-северном-конце-мира. Впрочем, они и сейчас так думают. Мир у них держится на священном Центральном дереве, но оно растет тоже на крайнем севере и называется Столп Людоеда. Потусторонний мир у них делится на верхний и нижний, но не совсем ясно, какой из них на самом деле вверху, а какой внизу. Люди они бедные и мир у них довольно странноватый.

Поезд шел дальше. Было еще две остановки, невидимые пассажиры все, кажется, сошли.

(Другие пассажиры ехали в других вагонах из других городов в другие города. В расписании есть Утрехт — отлично, у нас там есть свои люди, в Амстердам они тоже ездят).

Солнце клонилось к закату. В купе стало совсем темно, но никто не протянул руку и не включил свет.

Профессор отложил книгу.

— Может быть, выйдем, пройдемся, — сказал Профессор.

Мистер Томпкинс обрадовался и встал.

Профессор нажал кнопку два раза — это был сигнал машинисту «остановка по требованию».

Поезд остановился. Они вышли на ту сторону, где океан. Первым спрыгнул на землю сэр Ричард со своим винчестером,

потом Профессор, потом мистер Томпкинс. Он был счастлив. Наконец кончились города и отели, мощные улицы и паркеты, и началась настоящая земля. На земле лежали огромные оранжевые тыквы. Они были точно такого цвета, как солнце, уже наполовину утонувшее в океане.

— Эти тыквы — солнца прошлых дней, — сказал Профессор, — оно, как видите, уходит в океан, а утром выходит другое. А то, что осталось, лежит здесь, пока не высохнет совсем. Так что очень далекого прошлого нет — год, два. Лучше их не трогать, я думаю.

— Лучше держаться вместе и далеко не уходить, — сказал сэр Ричард. Он снял ружье с плеча и, слегка нахмурившись, оглядывал окрестность.

— Вы что-нибудь заметили? — спросил Профессор.

— Пока нет, — сказал сэр Ричард.

Мистер Томпкинс тоже стал оглядываться и тут же споткнулся о тыкву, очень большую и свежую. Тыква покачнулась, перекатилась с боку на бок, и на ее тугой округлости появилась узкая трещина. В трещине виднелась влажная желто-розовая мякоть. Мистер Томпкинс испугался и виновато посмотрел на своих друзей. Но, кажется, они не заметили его неосторожности. Сэр Ричард стоял к нему спиной, а Профессор сидел на земле и снимал ботинки, и лицо у него было счастливое. Мистер Томпкинс поскорее отошел в сторону, на самый край тыквенного поля. Профессор снял ботинки и носки, встал и сделал несколько шагов среди стеблей и листьев, блаженно улыбаясь.

— Декарт, — сказал Профессор, — утверждал: я мыслю — следовательно, я существую. По-моему, это не доказательство. Я тоже иногда мыслю, и это меня ни в чем не убеждает. Гораздо сильнее гомеровская формула существования: *пока я дышу и земли прикасаюсь стопами*. Вот сейчас я живу. Советую и вам тоже разуться.

— Это не *comme il faut*, господин Профессор, — рассеянно ответил сэр Ричард. Он смотрел в другую сторону.

— Сэр Ричард, — сказал Профессор, — вы аристократ и...

Мистер Томпкинс ужаснулся. Его вчерашний сон сбывался наяву.

Надо было немедленно как-то изменить течение событий. Он шагнул к Профессору (он мог двигаться, о счастье!). И открыл рот, еще не зная, что скажет. Но ничего сказать не успел.

— Стойте! — крикнул сэр Ричард, стремительно поворачиваясь к нему. — Мистер Томпкинс, ни с места!

Но было уже поздно. Что-то хрустнуло под ногой у мистера Томпкинса и он с треском провалился в яму.

Мгновенно Профессор и сэр Ричард были рядом.

Они раскидали дерн и сучья, прикрывавшие западню.

Яма была в полтора человеческих роста, не глубже.

Но мистера Томпкинса в ней не было. Были темные влажные земляные стенки и пол — и никаких следов, словно сюда никто и не падал секунду назад. Сэр Ричард спрыгнул в яму. Он рыл землю охотничьим ножом — нет, ничего, ни норы, ни отверстия. Мистер Томпкинс исчез загадочно и совершенно, словно растаял.

И здесь заканчивается вторая глава, и начинается третья...

III

Сэр Ричард выбрался наверх. Думать было не о чем.

— Дверь открылась и закрылась, пропустив только одного, — сказал Профессор. — Теперь мы здесь, а он по ту сторону. Ни помочь, ни подать знака, ни даже узнать, жив ли он...

— Взгляните, господин Профессор, — сказал сэр Ричард.

На земле возле ямы были четко видны рубчатые отпечатки спортивных ботинок мистера Томпкинса, босых ног Профессора и охотничьих сапог сэра Ричарда, но были еще и полузатоптанные следы бальных мужских туфель, маленькие, изящные.

— Значит, это не случайно, — сказал Профессор.

— Да, — сказал сэр Ричард.

— Мы кому-то мешаем...

—

— Стрела в Гамбурге...

—

- Вино в Паулине...

—

— И он знает нас, а мы ничего о нем не знаем, — сказал Профессор.

— Кроме номера его автомобиля, — сказал сэр Ричард.

Они стояли по краям ямы, мрачно глядя в нее. Друг на друга они не смотрели.

Профессор сел на землю и торопливо обулся.

— Довольно, — сказал Профессор, — нас не пускают с черного хода, мы вломимся с парадного. На север! На Северный Конец Мира!

И они побежали к поезду.

— Мистер Вильямс! — крикнул Профессор, — на Север, прямо! И как можно скорее!

Поезд рванулся с лязгом, грохотом и свистом, окутавшись черно-белыми клубами.

Профессор остался с машинистом. Вскоре к ним присоединился сэр Ричард, вооруженный до зубов. В это время над поверхностью океана показывался только последний маленький краешек солнца. Потом засияли звезды. Стало совсем темно. Лишь вершины айсбергов слабо светились, подобно нежным облакам.

Ледяной ветер повеял с океана. Наступила долгая полярная ночь. Шервуд зажег фонари.

Он мчался, освещая себе путь тремя огненными глазами, сквозь ночь, мрак и оледенение.

— Мистер Вильямс, — крикнул Профессор, задыхаясь от ветра, — может ли Шервуд идти быстрее?

— Может, сэр, — ответил мистер Вильямс, и Шервуд прибавил ход.

Ровно и мощно дыша, он раздвигал упругую льдистую мглу. Сэр Ричард, перегнувшись через перила, всматривался в синие полосы рельсов, струящиеся посередине светового коридора.

— Мистер Вильямс, — крикнул Профессор сквозь грохот колес, — может ли Шервуд идти еще быстрее?

— Может, сэр, — ответил мистер Вильямс, и Шервуд снова увеличил скорость. Как черный шквал, несся он по заснеженной равнине, гремя колесами ритмично и твердо. Но рев ветра был громче, чем гром колес.

И вот фонари осветили огромную бревенчатую стену.

Поезд остановился. Стена преграждала путь и слева и справа уходила в темноту. Посреди нее зияла распахнутая дверь, высокая и широкая, как ворота депо.

Профессор и сэр Ричард спустились на твердую ледяную землю.

Сэр Ричард держал ружье наизготовку. Профессор нес фонарь. Они вошли в дом. Прямо против входа был развалившийся очаг, покрытый ледяной коркой. Дом был пуст уже давно. Профессор водил фонарем во все стороны, освещая стены и дальние углы. Никого не было. Валялись вороха тюленьих и медвежьих шкур, висели черепа и связки вампума. Справа от очага почерневший резной столб выходил наверх сквозь отверстие в крыше.

Было холодно, как снаружи.

Профессор и сэр Ричард обошли и осмотрели все огромное прямоугольное помещение. Не было дверей, кроме тех, в которые они вошли. Не было никаких окон, никаких ям в промерзшем земляном полу.

Сэр Ричард подошел к центральному столбу и посмотрел вверх, запрокинув голову.

— Попробуем выбраться на крышу, — сказал сэр Ричард.

— Боюсь, я не смогу, — сказал Профессор.

Сэр Ричард связал вместе несколько длинных ремней из тюленьей кожи, которых тут валялось множество, один конец привязал к своему поясу, влез по столбу и протиснулся сквозь дыру в крыше. Профессор тоже обвязался ремнем, и сэр Ричард, стоя на крыше и выбирая ремень, помог ему вскарабкаться наверх. Они стояли теперь на наклонной, мшисто-серебряной плоскости дранковой крыши.

Позади, оглянувшись, они увидели три огромных белых огня — фонари Шервуда.

Впереди была тьма.

Они привязали ремень к верхушке столба. Держась за ремень, они подошли к самому краю крыши. Профессор посветил фонарем вниз и отшатнулся: луч не достал земли. Он ушел в бездну. Тогда сэр Ричард спустился, все на том же ремне, вдоль бревенчатой стены. Ниже первого венца на ощупь чувствовался (ничего не было видно) слой промерзшей земли с камнями толщиной в метр, не больше. Ниже была пустота.

Дом стоял на краю земли, как спичечный коробок на краю стола.

Сэр Ричард вернулся на крышу, сел на краю, свесив ноги, и стал набивать трубку.

— Сэр Ричард, — сказал Профессор, — встаньте, пожалуйста, и отойдите У меня голова кружится, когда я на вас смотрю.

И тогда пустота озарилась широкими полосами света. Сначала тусклые, они постепенно разгорались, расходились вширь и ввысь, погасили звезды и повисли неподвижно, как многослойные облачные занавесы, лиловые, серебряные и лимонные. Там была совершенная тишина, даже ветер не шел из этой бездны, он начинался где-то у них за спиной, от дверей Дома Людоода. Здесь был только свет и мрак.

— Господин Профессор, — сказал сэр Ричард, — вы лучше скажите, что делать дальше. Профессор погасил ненужный фонарь, осторожно присел на край крыши и тоже закурил, устремив взор в призрачный нежный свет полярного сияния.

— Не знаю, — сказал Профессор, — мы теряем время, а мистер Томпкинс там...

— Наше время для него не имеет значения, — сказал сэр Ричард.

— Да, конечно, — сказал Профессор.

Он вздохнул, сильно затянулся и выпустил колечко дыма. Оно медленно поплыло навстречу потокам света, изгибаясь в виде лежачей восьмерки. Его долго было видно.

— Все зависит от того, — сказал Профессор, — согласны ли мы принять одну гипотезу.

— Я вас слушаю, господин Профессор, — сказал сэр Ричард.

— Если предположить, — сказал Профессор, — что иной мир един, как наш, реальный...

— Звучит правдоподобно, — сказал сэр Ричард.

— Для нас с вами... — сказал Профессор. — Те, кто эти мистические сферы... не придумали, но, скажем, оформили, придали им конкретные черты — что-то, соответствующее ландшафту, — населили их предками, богами, чудищами, разработали иерархию этих существ, потустороннюю этику и все такое прочее — сами мифотворцы, носители культур, — они-то считали свои неземные владения сначала и вовсе исключительно существующими — теперь, наверно, даже неглупый дикарь в это не поверит... а глупый дикарь о таких вещах не думает. — По крайней мере изолированными, недоступными для явлений чуждого мировоззрения они их и сейчас считают — те, которые еще существуют, ведь загробные царства долговечнее земных... Это их право — отстаивать свой суверенитет, хоть и в области ирреальной.

Но, видите ли, за последние годы мертвая наука типология в этом мертвом мире натоптала столько тропинок, нарыла столько тоннелей, выявила столько лиц с двойным подданством, обнаружила столько градусов и весей, находящихся в совместном владении разных государств, понастроила дорог с цепочкой почтовых станций... какая уж тут изоляция. Если только мы сможем прорваться на тот свет где угодно... пожалуй, мистер Томпкинс там тоже... кто теперь знает где... да, о нем лучше сейчас не гадать. Я сбиваюсь, сэр Ричард, но вы поняли?

— Вполне, — сказал сэр Ричард, — другой гипотезы нет?

— Сколько угодно, — сказал Профессор, — но уж вовсе безнадежные.

— Так едем, — сказал сэр Ричард, вставая.

Они вернулись к паровозу. Пока Шервуд маневрировал, разворачиваясь, все молчали. Но вот поезд вышел на прямую и пошел быстро.

— На юг, — сказал Профессор, — сейчас это единственное направление, но и дальше — так держать. Я слышал, что культовая скульптура стран Океании напоминает тотемные столбы индейцев Аляски. Заимствование или своего рода конвергенция — нам сейчас не важно. Какие-то общие черты в мировоззрении несомненно есть. Мистер Вильямс, самый полный и еще быстрее! Не можем ли мы вам помочь?

— Вот если бы кто-нибудь из джентльменов, — сказал мистер Вильямс, — согласился подбрасывать уголь в топку...

— Первая вахта моя, — сказал сэр Ричард, — идите пока спать, господин Профессор.

1 февр. LJ. Перечитала и сообразила, что сходный сюжет или сходная идея в одной из поздних вещей Стругацких, в повести «За миллиард лет до конца света». С героем-астрофизиком, готовым открыть что-то основополагающее, творятся нелепые, а потом и опасные вещи, то в бреду, то наяву. Сосед-особист кончает с собой, является следовательно Прокофий Петрович, шьет герою убийство, что-то подобное и с его друзьями, тоже стоящими на грани великих открытий.

Эта вещь была не очень популярна. Суть в том, что Мировой Энтропии, которая законно «неубывает», противостоит Творчество, Мысль, Познание, и эта бессмысленная тупая сила, призванная поглотить мир в конце концов, что-то такое, стерва, чует, не осознавая (она не может), побуждает к действию какие-то силы, стихийные, но не только: как-то она задействует человеческий фактор...

2 февр. Jack bird. А за кем приоритет? «За миллиард лет» — очень даже популярна, а у меня и любима, хотя мне там мешали цитаты из хороших стихов, нарушали стиль.

Они опубликовали в 76 году, я писала в 73-83. Наверно, прочла сразу после публикации в каком-нибудь журнале. Так что примерно голова в голову...

Интересное однако на самом деле получается кино!

Посмотрела поближе — у них (у одного, наверно, все-таки) — первая заметка в 73!

3 февр. И вот такая выстраивается концепция.

Всем известно, как работали братья Стругацкие, один в Ленинграде, другой в Москве. Они созванивались, выбирали очередную тему из множества идей, работали над ней каждый у себя, а когда чувствовали, что сюжет созрел, встречались в Бологом, в кафе, которое неофициально было известно под именем «У Бори и Аркаши». Садись за свой любимый столик, ставили бутылку водки, пепельницу, два стакана... (надеюсь, тем, кто принял это всерьез, уже стыдно?).

И тут некий луч света, протуберанец, несущий заряд жизни, энергии, свободы, радости, творчества, пусть некий ангел, озарил, выхватил из темного царства маленький столик... и расходящаяся волна незримо прошла через комнату на краю леса в Москве, а другим краем - через комнату в ленинградском дворе на Васильевском острове (тоже на первом этаже, может это существенно?), где жила Кари Унксова...

Что писала Кари в 1973 году:

*О вы которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав
Которым вещи малый знак
Являет естества устав
Кем путь исчислен всех планет
Скажите - что нас так мятет?*

То бег на тысячи копыт
Гортань его сжимает бег
Кипит сгорает лунный снег
На спину запрокинув рог
По тверди мчит Козерог

Когда извечный знак Земли
Заденет гордый Козерог
И на вершине и в пыли
Земная тварь свершает рок
Бурлит хаос свинцов и бурн
Царит Юпитер и Сатурн

Растения нежные ждите придет весна
Под пленкою снега дрожите без сна
Замрите усните замолкните тихо
Авось пронесет и прокатится лихо

И в дружестве нашем беспечно пируем
Мы тоже минуем мы тоже минуем.

Ах девицы красные бабочки малый мир
Сто жужелиц божьих коровок лесных буках
Все медом пыльцой изукрашенный пир
Незримые мнимые игрища птах

Эпиграф - Ломоносов, мы обе его очень любили. Он здесь пишет про полярные сияния, которые часто, конечно, видел.

Профессор проснулся, открыл глаза и засмеялся от счастья. Все было голубое. Он приподнялся и выглянул в окно. Он увидел море до самого горизонта и небо. И еще прекрасно было от того, что рядом, в самом поезде, прекрасные мужские голоса пели прекрасную песню.

о рано на море на море
приходит утро
такое новое
о ты Великий или как это тебя — Тихий
подними веки

Профессор знал, конечно, что слова там не такие и непонятные, но так у него переводилось само собой. Поезд шел как будто прямо по воде, но потом Профессор увидел, что железнодорожное полотно проложено по узкой полосе барьерного рифа, который, змеясь, уходил за горизонт, и над ним стояли радуги.

о радуга
ты тугая натянута
от одного края моря
а не пройти по тебе
к иному краю дитя и врата радости

Рельсы были вровень с поверхностью моря, волны разбивались у колес.

эта волна она ходит и играет
она набегает на меня
она кипит она отхлынула
о какая утрата!
о какая утеха!
другая набегает одета пеной

Под водой, как под стеклом оранжереи, цвел склон кораллового рифа, усеян маленькими красивыми чудовищами, характерными для этого биоценоза.

тут и там — рай
тут — это тайны твои
риф
алое марево
тонкие перья пурпурные
полые раковины
хороводы рыб — о, каких!
а они-то хотя и малые
но охотники
ну-ка ну-ка хватай!
ах! проехали мы

там — о это ты, море!
ты — маята, ты — ах, отрава, отрада
памяти моей, о море!
о тихое, о громкое
огромное!
о радость!

ОКЕАН и Я — подумал Профессор и тут все вспомнил.

«Мы в Океании, — подумал Профессор, — и мистер Томпкинс пропал. А я проспал свою кочегарскую вахту, и сэр Ричард меня не разбудил. Чего впрочем следовало ожидать. Пойду посмотрю...»

Но далеко он не ушел. Весь коридор и тамбур были плотно заняты сидящими на полу людьми. Люди были красивые, крупные, смуглые, мало одеты.

— Доброе утро, — сказал Профессор.

— Иа орана, — дружно ответили туземцы, глядя на Профессора детскими глазами.

— Кто-нибудь из вас, — сказал Профессор, — знает какой-нибудь европейский язык?

Он только хотел попросить, чтобы его пропустили через тамбур на наружную площадку, а там он собирался через тендер перебраться на паровоз, и собственно он имел в виду молодого человека с интеллигентным лицом и в очках, на которого сразу обратил внимание. Но ответил ему другой — могучий старик с легкой белой бородой и радостным взглядом.

— Моя много-много знает, — сказал старик, — садись, давай говорить.

Сидевшие на полу подвинулись, освобождая Профессору место рядом со стариком.

Исправлять ошибку было бы невежливо. Послушно усаживаясь на пол, Профессор подумал, что все, может быть, к лучшему — куда торопиться, если они все равно не знают, где тут вход в потусторонний мир? И кто лучше этого мудрого старца может ознакомить с фольклорной топографией Страны Тысячи Островов?

— Вот мы сейчас едем, — сказал Профессор, — по этой прекрасной... по этому прекрасному морю. И я, чужой человек, думаю: что было, когда всего этого не было? Кто сотворил то, что есть? Что возникло раньше — море, небо, или земля? Кто сотворил рыб, деревья и животных? Кто были первые люди, где они родились? Где живут люди, когда они умирают? Где начало дороги в мир предков и где ее конец?

— Ты мудрый человек, — сказал Профессор, — ты начал жить давно, ты может быть слышал от прежних старых людей: откуда мы? кто мы? куда мы идем?

Старец пришел в восторг, что может вести такую интеллектуальную беседу с белым человеком пред лицом своих односельчан. Он выпрямился, сложил руки на коленях и запел:

— Вначале сотворил Бог совершенный вакуум, или родоначальное поле; оно же было безвидно и пусто, и тьма над бездною.

— И сказал Бог: да будет свет!

И увидел Бог, что это хорошо.

И отделил свет от тьмы

И назвал корпускулы света фотонами

И было утро, и был вечер.

День первый.

— И создал Бог элементарные частицы с массой покоя...

Старик так хорошо знал текст, что не запинаясь и не коверкая слов. Все это, конечно, он выучил наизусть в миссионерской школе.

— И отделил частицы, заряженные отрицательно, от частиц, заряженных положительно, и электронейтральных.

И стало так.

И увидел Бог, что это хорошо.

И было утро, и был вечер.

День второй.

— И сказал Бог: да будут из элементарных частиц атомы!

И стало так.

И стали светила на тверди небесной.

И было утро, и был вечер.

День третий.

— И сказал Бог: да будут из атомов молекулы!

И стало так.

И явились суша и вода.

И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями.

И увидел Бог, что это хорошо.

И было утро, и был вечер.

День четвертый.

— И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся; и птицы полетят над землею по тверди небесной. Да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя по роду и подобию ее. Да произведет земля душу живую по роду ее, скотов и гадов и зверей земных по роду их.

И стало так.

И увидел Бог, что это хорошо.

И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь и наполняйте воды в морях и сушу и воздух.

И было утро, и был вечер.

День шестой.

— И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и подобию Нашему из обезьяны...

Профессор наконец не выдержал.

— Хорошо, — сказал Профессор, — так думаешь ты, и так думаю я, но что думали по этому поводу твои предки?

— Друг мой, — сказал старик, — какое нам дело до того, что думали эти язычники?

Поезд остановился.

Он остановился на маленьком острове, похожем на подкову из песка. Часть пассажиров, мудрый старец в том числе, сошли здесь, на прощание с достоинством кланяясь

Профессору.

Эпизод с мудрым старцем, декламирующим Книгу Бытия (с налетом современного креационизма) в ответ антропологу-этнографу, взят из книги этого самого антрополога, Те Ранги Хироа (он же Питер Генри Бак). Выдающийся новозеландский ученый родился (1880) в семье ирландца и маорийской принцессы, горячий патриот, получил прекрасное медицинское образование, работал врачом среди маори, а позже возглавлял ведомство по здравоохранению этого народа. Язык и культуру полинезийцев он отчасти воспринял от бабушки. Бывая по роду службы и по велению сердца в самых разных уголках Новой Зеландии, он понял, что для живого, доверительного, равноправного общения одного языка мало: нужно еще улавливать скрытые цитаты, идиомы, анекдоты, сюжеты... и он углубился в мифы и предания, в поэзию смелого и красивого народа.

Тогда же он связался с *младомаорийской партией*, боровшийся за равноправие маори.

А Большой Мир там, за Океаном, жил своей странной жизнью. В Первую Мировую Питер Бак вступил в добровольческое подразделение маори военным медиком.

Участвовал в высадке в Галлиполи, боевых действиях во Франции и Бельгии. За храбрость в бою награжден орденом «За выдающиеся заслуги».

В 1927 году Те Ранги Хироа уехал на Гавайские острова, в этнографический музей в Гонолулу, и работал там до конца своих дней. С 1936 — директор музея. В 1946 году — рыцарь-командор ордена Св. Михаила и Георгия — за заслуги в области науки и литературы. Свою лучшую книгу он написал в 1938 году, она у нас вышла в 1950. Как она к нам попала, не знаю, но пришлось по душе — не мы ли после войны грелись на Гогеновском красном песке на открытке. А мама вздыхала о «Ноа-ноа», которую в войну сперли вместе с «Письмами Ван-гога». И когда Гогеновский зал в Пушкинском восстановили, уж мы ни разу мимо не прошли.

Не только из-за теплого песка: Гоген был великим мастером формы и объема, это в скульптуре очевидно, без цвета. В его зале царит величавый покой, словно неизменный дух первобытной культуры.

Книгу я взяла ее в Донскую экспедицию, году так в 75, очень удачно, в ней работали ростовские студенты-историки «братья Гугуевы», и мы заодно обсудили заселение островов Полинезии. Что Хейердал не прав, а прав Те ранги Хироа, и вообще очень здорово думать и говорить о том, что тебя совсем-совсем не касается, и в мягкой, гладкой донской воде вспоминать:

... на юг до островов длиннохвостых попугаев,
На запад до Самоа,
На север до пылающего Ваихи...

— Иа орана, — сказал сэр Ричард, появляясь в дверях вагона. — Здравствуйте, господин Профессор. О, Питер, это вы? Что за встреча! — и сэр Ричард протянул руку молодому человеку в очках, который, радостно покраснев, бросился к нему навстречу, насколько это было возможно среди сидящих людей.

— Господин Профессор, — сказал сэр Ричард, — я рад, что могу познакомить вас с моим другом, мистером Те Ранги Хироа, — его другое имя Питер Бак, замечательным ученым...

— Что вы, сэр Ричард! — воскликнул молодой человек, —

— крупнейшим знатоком и собирателем полинезийского фольклора.

— Какая удача! — сказал Профессор, пожимая руку ученого. — Мне следовало обратиться прямо к вам. Впрочем, надеюсь, не все потеряно. Вы, кажется, едете дальше?

— Да, и буду счастлив, — сказал юноша, в жилах которого текла кровь маорийки и ирландца, — помочь вам, чем смогу. Я слышал, о чем вы спрашивали вождя Опу"у-ка-хонуа.

— Нам совершенно необходимо... — сказал Профессор, — но, может быть, продолжим разговор в купе?

— Я сейчас приду, — сказал сэр Ричард, — только умоюсь. Кстати, пора трогаться. Наш поезд занимает почти весь остров, а эти люди хотят здесь жить.

Поезд тронулся. Сэр Ричард вернулся в купе умытый, свежий и чисто выбритый.

Островитяне снова хором запели в тамбуре свои дивные песни.

И Профессор получил от Те Ранги Хироа исчерпывающую информацию.

Внутри небесного круга
Лежит удивительная рыба
Радуга стягивает необъятный океан
Эта рыба моя земля

Поплывем на остров моей мечты
Найдем прекрасную землю
Берег, достойный Короля

Гавай'и фанаура'а Фенуа
Гавай'и родина земель

*Я веду тебя, я направляю тебя к земле
О моя прекрасная ладья Те Апори
Мое рулевое весло Кауту-ки-те Ранги
Ты гонишь ладью к туманному небесному кругу
Который всегда перед нами
Который всегда убегает
Который всегда надвигается
Никто еще не проникал по ту сторону небесного круга*

Таароа, создатель
Сам произвел себя на свет
Он сидел в раковине Румиа
Вокруг него не было неба, не было земли
Ни моря ни месяца ни звезд
Бесконечная тьма — по-тини-тини
Густая непроницаемая тьма по та'о та'о
Та"ароа сломал раковину вышел на свободу
Превратил ее внутреннюю оболочку в основание скал и землю
Из внешней сделал низкий и тесный небесный свод

*Слышите грохот барабана
Слышите грохот прибоя
Море растет и наступает
Море бурлит и убегает
Море уходит является Вавау
Мауи выходит на него*

Сотворил камни, песок и мастера Ту
Вдвоем они создали несчетное число корней
Свод Румиа подняли на столбах
Пространство под ними стало Атеа
Земля выросла подземный мир отделился
Зацвели деревья и растения
На суше и воде появились существа

*Порапора его имя будет Порапора
Порапора его имя Великий Первенец
Порапора его весла не слышны
Порапора его корабли нападают справа и слева
Порапора с розовыми листьями
Порапора сокрушитель кораблей*

Выросли горы по имени Ту-моу"а
Простерся океан Тино-руа
Наверху была Атеа внизу Руа
Посередине земля Гавай"и фанаура"а Фенуа
Гавай"и родина земель богов царей и людей

*Имя моей ладьи его не забудут
Она переплывала Великий Океан
Она заплывала на восход до Мангаревы
На Полдень до страны Длиннохвостых Попугаев
На закат до Самоа
На полночь до Пылающего Ваихи
Как Радуга стягивает края Океана
Ладья И'и-те-рангиора соединяла отдаленное
с отдаленным*

В течение несчетных столетий
Когда люди уже заселили
Берега Тихого Океана
Эти острова оставались пустыми
Не было живых существ

Кроме панцирных, насекомых
Пресмыкающихся и птиц
Не было кокосовой пальмы
Банана и хлебного дерева
Годы сменяли друг друга
Но никого не радовал восход Плеяд
Луна росла и убывала
Рыбы метали икру
Приплывали и уплывали
Проходили в проливы и лагуны
Никто их не ловил
Никто не проникал
За Небесную Завесу
Земля Море и Небо
Ждали появления
Полинезийских мореплавателей

*Правильно толкование, неверно учение
Верно учение, неправильно толкование
Верно, верно учение!
О нет,
Оно неверно — увы — неверно*

С тех пор как на нашей планете появился человек
Он развивался и размножался
Когда в области первоначального расселения
Пищевые ресурсы становились недостаточными
Людские группы отваживались на дальние странствия
Родина древнего человека находится в древней Азии
Никто не знает
Почему образовались расы
Монголоиды негроиды европеоиды
Монголоиды заселили восточное побережье Азии
Прошли по узкому перешейку
Заняли Северную и Южную Америку
Все страны, которые они должны были заселить
Они прошли пешком
Негроиды разделились на две ветви
И в каждой была карликовая ветвь
Они двигались на запад и юг в Африку

— Вы курите, мистер Те Ранги Хироа? — спросил Профессор, открывая коробку сигар.

*Мы пришли с Гавай'и Великого
Гавай'и Длинного, Гавай'и Далекого
Гавай'и фанаура'а Фенуа
Гавай'и родина земель*

— Нет, благодарю вас, — сказал Те Ранги Хироа.

— Тогда окажите нам честь разделить с нами завтрак, — сказал Профессор, потому что как раз в это время принесли завтрак в местном вкусе — крабы, испеченные в песке, бананы и кофе.

Они позавтракали. Те Ранги Хироа продолжал:

Другие на восток до Азиатского перешейка в Тихом Океане
Потом по этому перешейку прошел дравидийский народ
И стал аборигенами Австралии
У них прямой нос
Волнистые волосы
Они похожи на европеоидов

*Родословная ведет в прошлое
В прошлое, под небо наших предков
Происхождение восходит к прошлому
К прошлому, к роду Атеа*

И это великая загадка
Так же как происхождение айнов
Ну и Бог с ними

Люди Самоа и Тонга
Хранят предание о Стране Пулоту
Куда возвращаются души умерших
По скользкой и зыбкой тропе смерти
По золотой дороге
Проложенной по воде лучами заходящего солнца
Утреннее солнце
Озаряет путь юных
Закат озаряет старость и вечный покой
Шли дорогой
Которая увела тысячи жизней
Дорогой, с которой не возвращаются
С которой не присылают вестей
Усталые души предков
Никогда не устремятся дальше
На неизведанный Восход
Тоска по родной земле
Влечет их назад, на Закат

Я измерил головы
Большого числа моих здравствующих земляков

*Тама-нуи-те-ра, сын Солнца!
Встань в пустом океане
Укажи мне дорогу на родину
Путь к земле, на которой я родился
Моя прекрасная ладья Тане-Каха
Я веду тебя, я направляю тебя в Океан*

При помощи краниометра Флауэра
И вот моя теория:

Небеса висят
И земля подвешена
Среди звезд

Главные завоеватели Тихого Океана
Должны быть европеоиды
Поскольку у них сильно варьируется форма головы

Возможно, что индонезийцы ведут свое происхождение
От народов, обитавших в долине Ганга
Возможно, позднее на юг переселились
Короткоголовые монголоиды
И покорили индонезийцев
Благодаря численному превосходству
Возможно, что в результате их смешения

*Таури-Матеа, проснись, смотри на Закат!
Твой вечерний ветер, пусть он не спит,
Пусть он дует, пусть он несет меня
По дороге воды на Гавай"и
Это земля, где я родился*

Произошли протополинезийцы —
Предки тихоокеанских мореходов
Высоких атлетически сложенных людей
У них не было мелковьющихся волос
И складки верхнего века
У них были уменье и мужество
Чтобы пройти по неизведанным доселе
Морским путям

*Закрой свой глаз, который смотрит на Полдень!
Твой полуденный ветер, пусть он спит,
Пусть откроется путь через море Мауи
Через море Мауи мой путь на Гавай"и*

Мои оппоненты

*Корабль дрогнул, ладья плывет!
Торопится Тане-Каха
Храбрый корабль Каху-кока
Назад к заливам Гавай"и-нуи
К земле, на которой мой дом*

Утверждают, что я не прав

*Правильно толкование, неверно учение!
Верно учение, неправильно толкование.
Верно, верно учение!
О, нет,
Оно неверно — увы! — неверно!*

Может быть, правы они, а не я.
Подводя итог тому
Что мы знаем по данному вопросу
Мы можем сказать:
В глубокой древности
Наши предки действительно жили
В одном из районов Индии
Откуда начался их исход на Восток
Однако мифы и легенды
Не простираются так далеко в прошлое

Большинство племен
Лелея память о далекой родине
Называет ее

*Гавай"и фанаура"а Фенуа
Гавай"и родина земель*

— Ну что ж, — сказал Профессор, — Индия так Индия. Благодарю вас, мистер Те Ранги Хироа.

— Спасибо, мистер Бак, — сказал сэр Ричард.

Стемнело, и над морем взошла луна.

родина земель, богов, царей и людей

.....

Профессор вошел в купе. Сэр Ричард не спал. Глаза его блестели в темноте.

— Что это? — сказал Профессор.

Они не зажгли свет, словно в темноте лучше слышно.

Монотонное гудение. Гул.

Звук без источника и направления.

Струны? Трубы — но слишком далеко —

Или вибрация самого поезда, или шум в ушах —

но нет, слишком глубокий

Ритм —

нарастания и затихания с неизменным периодом

но внутри другая волна

короче, и в ней

биение звука

непонятно...

Они вышли в тамбур.

Вправо вдали, чуть опережая, равномерно двигалось расплывчатое пятно света.

— На Индию что-то не похоже, — сказал Профессор. — Как вы думаете, сэр Ричард?

— Кто знает, — сказал сэр Ричард. — Индия большая. Но вы, кажется, правы.

— Подождем рассвета, — сказал Профессор.

И он крикнул машинисту, чтобы тот остановил поезд и выключил фары.

Свет исчез сразу, звук не сразу, но тоже исчез.

— Можно подумать, — сказал Профессор, — что справа от нас некая отражающая поверхность, но вот ведь мы видим звезды у самого горизонта, их ничто не заслоняет. И так близко...

Они перешли по галерее на другую сторону. Здесь звезды были гораздо дальше. Вдруг звезды погасли.

Большое простое солнце вышло на небо.

— Все понятно, — сказал Профессор, — заблудились.

Какие-то секунды косые скользящие лучи освещали вогнутую поверхность, заключавшую в себе все — поезд, людей, долину, реки, горы, море и само солнце. Это была сфера огромного радиуса, прозрачная и многослойная, вернее ряд вложенных друг в друга сфер, которые тут же стали невидимы, словно растворились во все усиливающихся потоках света.

— Ур халдеев, — сказал Профессор. — Большие были умники, любили все круглое и знали число пи. Оно у них равнялось трем. Не очень точно, зато легко выучить. Их моральные принципы тоже были просты и запоминаемы. Око за око, зуб за зуб. Попробуй забудь. Музыка, которая нас удивила — результат интерференции звуковых колебаний, вызванных ударами колес о рельсы и многократно отраженных семью хрустальными сферами. Как мы сюда попали, да еще ночью?..

Но раз уж мы здесь, стоит произвести рекогносцировку. Мы, видимо, двигались по окружности, концентрической сечению сферы плоскостью Земли. Думаю, можно придерживаться пока этого направления. Ваше мнение, мистер Вильямс?

— Все o'key, — сказал мистер Вильямс.

Оттого, что высохла роса и тонкая пыль поднялась в воздух, звук был теперь тише и глуше. Здесь была пустыня. Слева появлялись редко оазисы с пальмами. Чем ближе к центру, тем плодороднее и населеннее была земля. Там были поля пшеницы, рощи, селения. Там были реки. Слева, впереди по курсу был оазис, окруженный со всех сторон бесплодной каменистой пустыней, и через пустыню к оазису из плодородного центра двигалась группа людей.

Группа двигалась быстро и ровно, сохраняя форму вытянутого прямоугольника. Вскоре стали видны копья. Отряд приближался.

Из оазиса беспорядочно высыпались люди и скот. С воплями и ревом, слышными даже на таком расстоянии, они сбились в толпу и побежали в пустыню, в ту же сторону, куда двигался Шервуд. Шервуд на всякий случай остановился. Люди и животные почти сразу исчезли, видимо попрятались в каких-то укрытиях. Вооруженные вошли в оазис.

Время шло, но оттуда никто не выходил. Никто не преследовал убежавших.

— Кто это? — сказал Профессор. — Бандиты? Завоеватели?

— Карательная экспедиция, — сказал сэр Ричард таким странным голосом, что Профессор удивленно оглянулся. Сэр Ричард, весь подавшись вперед, вглядывался во что-то, происходившее между пальмами. Профессор ничего не мог там различить.

— Что они делают? — сказал Профессор. — Ведь все убежали... надеюсь?

Сэр Ричард не ответил. Профессор вспомнил о бинокле, который висел у него на груди.

Он посмотрел в бинокль и сразу поймал человека в остроконечной шапке, который рубил пальму небольшим топором на длинной рукоятке. Копье лежало рядом с ним.

Не закончив свою работу, он отошел от дерева, лениво подобрал копье и, волоча его, двинулся к другой пальме. Бросил копье, взял топор обеими руками, неторопливо размахнулся и всадил его в ствол. Надрубив дерево на треть толщины, он выпрямился, опираясь на топор, и оглядел других, занятых той же нелепой работой. Переходя от пальмы к пальме, отряд медленно просачивался сквозь рощу.

Профессор опустил бинокль и увидел, как в зеленой перистой массе трепетно вздрагивает то одна, то другая вершина.

Вот передние вышли из-под зеленой сени, к ним подтянулись остальные и, на ходу привычно выстраиваясь в колонну, отряд двинулся, но отнюдь не за беженцами, а в противоположную сторону, так что должен был пройти не далее чем в полукилometре от Шервуда.

— Да что же это? — сказал Профессор. — Сэр Ричард?

Сэр Ричард не отрываясь смотрел на движущуюся колонну.

— Знаем мы эти штучки, — сказал сэр Ричард в пространство, — ну, погоди...

И сэр Ричард, перепрыгнув через перила, побежал наперерез отряду. Смертоносный винчестер, секунду назад мирно дремавший за плечом хозяина, был сейчас у него в руках. Профессор, прежде чем понять что-нибудь, уже бежал вдогонку по рассыпающемуся песку, спотыкался о камни и кричал.

— Стойте, - кричал Профессор, — сэр Ричард, что вы делаете! Вернитесь! Остановитесь!

— и видел с ужасом, что отстает все больше, а впереди была низкая каменная насыпь — готовый бруствер.

— Не смейте! — крикнул Профессор из последних сил. — Не...

Поздно.

Сэр Ричард упал между двумя каменными глыбами. Теперь он сам был неподвижнее камня, но черный ствол ружья чуть двигался вправо-влево, словно живая змея, словно выбирал первую жертву. Они все были как на ладони.

Профессор схватился за сердце и закрыл глаза. Сейчас грянет гром. Он прогремит ровно столько раз, сколько людей в колонне. Их можно будет сосчитать. Хвала милосердному винчестеру, не будет стонов, не будет раненых, ползущих в песке. Потом мы оба вернемся. Почему нет выстрела?

Профессор открыл глаза.

Сэр Ричард тяжело вставал с земли, опираясь на ружье.

Медленно он прошел несколько метров, что отделяли его от Профессора, и остановился, но не глядя на него.

— Не могу, — сказал сэр Ричард, — я не бог... издалека... недостижимый..

И он пошел не оглядываясь к поезду.

Профессор, все еще не в силах перевести дыхание, смотрел ему вслед. Сэр Ричард волочил ружье прикладом по земле и хромал больше, чем обычно. Острая жалость пронзила сердце Профессора. Он догнал друга.

— Сэр Ричард, — сказал Профессор, — они же все давно умерли. Три тысячи лет назад.

— Кому от этого легче, — сказал сэр Ричард.

Мрачный эпизод с отрядом ассирийских солдат возник случайно.

Я слушала по радио чьи-то воспоминания о войне. Была весна, немцы уже отступали, наша часть входила в село, кажется украинское, почти по пятам врага. Бойцы вышли на открытое место и увидели огромный цветущий сад... колхозный наверно. Радость охватила всех: цветущий сад! Это же метафора счастья! И враг так спешил, что не успел ничего уничтожить!

Наши солдаты вошли в сад и увидели, что из каждого ствола вырублен клин ровно на треть толщины... ровно настолько, чтобы дерево не выжило.

Известно, что ассирийская армия уничтожала оазисы, вырубая финиковые пальмы.

Источник высыхает, теряется в песках. Иногда они нарочно не срубали деревья, чтобы испуганные обитатели возвращались в родной оазис, полные надежды...

.....

После полудня, после того как объехали море, среди невысоких гор, они наткнулись на огромные бронзовые врата, покрытые темной патиной. Справа была каменная стена, иссеченная клинописью.

— Сейчас, — сказал Профессор.

Он достал записную книжку и карандаш и, произведя отчасти на бумаге, отчасти в уме различные подсчеты и комбинации, через несколько минут пригласил своих спутников ознакомиться с переводом.

ВРАТА В ГРАД ПРЕИСПОДНИЙ

откроются набравшему

три тайных числа

на секретном ЗАМКЕ

три тайных числа

узнает

РЕШИВШИЙ ЗАДАЧУ:

В городе Q некто A стал царем X лет правил

B стал царем Y лет правил

C стал царем Z лет правил

.....

N царей S лет правили

Город Q был поражен оружием

царственность его перешла в город P

найти X Y Z

— Вы можете решить эту задачу, господин Профессор? — сказал сэр Ричард.
— Могу, — сказал Профессор. - Эту задачу может решить умственно отсталый арифмометр, если ему нечего делать ближайшие пять лет. Должно быть, великие тайны жрецов все в этом роде. Я займусь задачей, а вы, сэр Ричард, если вам будет скучно, можете с мистером Вильямсом построить стену вокруг нашего Шервуда, или вырастить виноградник, или составить каталог звезд, которые вам нравятся больше других.
Профессор вырвал листок из блокнота, разорвал и бросил под ноги.

— Одну минуту, — сказал сэр Ричард.

Он отошел к паровозу и заговорил с мистером Вильямсом. Они вместе поднялись на паровоз, машинист в свою рубку, сэр Ричард в кочегарку. Дым повалил из трубы, Шервуд задышал часто и глубоко. Мистер Вильямс выбежал из машинного отделения, влез по железной лесенке и отвинтил два нижних фонаря. Фонари он бережно складывал на песок подальше в стороне. Тогда Профессор понял его намерение.

Машинист вернулся в кабину, но поезд еще не сразу двинулся с места. Видимо он хотел довести давление пара до предела.

Черное масляно блестящее тело паровоза сотрясало. Вот, фыркнув, он медленно пополз назад. Лязгнули сцепления. Остановился.

«Отцепили бы вагоны, — подумал Профессор. — Впрочем, масса...»

Шервуд рванулся вперед, почти с места набрал полную скорость и врезался в ворота.

Треск, грохот, скрежет — замок не выдержал, ворота распахнулись.

— Будьте любезны, господин Профессор, захватите фонарь, — сказал сэр Ричард, с ружьем наперевес направляясь в темноту.

Влажный мрак и запах подвала.

Обширный коридор. Полого уходящий вниз кирпичный пол. В стенах чернеют проемы, но свет озаряет, что это не входы, а ниши.

Тихий шорох вокруг, словно осыпаются каменные крошки, сочатся невидимо капли и струйки.

— Эа, — позвал впереди тихий голос.

Профессор поднял фонарь. Они пошли быстрее.

— Эа, — шептал тот же кто-то, — Эккему... Эрешкигаль...

Впереди в стене на метр от пола было отверстие. Окно?

— Аннуаки... Аннуаки... — жалобно сказал голос.

Окно снова оказалось нишей. В ней стояло каменное погрудное изваяние женщины. Глаза ее блестели от ужаса.

Профессор и сэр Ричард пошли дальше.

Впереди что-то завозилось с хрипом и сопеньем. В ноздри ударил запах аммиака. Фонарь осветил огромного быка с бородатой человеческой головой в тиаре, который тяжело поднимался им навстречу, с хрустом разгибая колени, расправляя слежавшиеся крылья. Чудовище с шумом втянуло в себя затхлый воздух подземелья и с хриплым мычанием сделало шаг вперед. Теперь оно своей массивной тушей загоразживало двустворчатую дверь, замыкавшую коридор.

— На место! — крикнул сэр Ричард. Перехватив ружье за ствол, он прикладом ударил животное по морде. Раздался громкий треск. Профессор вздрогнул, опасаясь, не разлетелся ли вдребезги приклад драгоценного винчестера. Но ничего не случилось. Зверь, фыркнув, отступил.

— Лежать, — сказал сэр Ричард, — лежать, скотина...

Толкая животное прикладом, он заставил его занять прежнее место у двери слева.

— Здесь должен быть еще такой же, — сказал Профессор, направляя вправо свет. Но другой бык давно окаменел, камень растрескался, грозное лицо в окаймлении царственной бороды разъела плесень. Он был не опасен.

Деревянная дверь, закрытая на засов из целого бревна, разбухла и прогнила, так что когда Профессор и сэр Ричард пытались отодвинуть засов, правая створка треснула вдоль и сломалась пополам. Раскачивая и толкая сломанную половину двери, они заставили ее повернуться и затем без труда проникли в образовавшееся прямоугольное отверстие. Когда свет фонаря заполнил помещение, хотя и слабо, но равномерно, Профессор и сэр Ричард увидели себя как бы внутри каменного куба. В той грани куба, которая служила полом, было вынута квадратное углубление со стороны, лишь немного меньшей ребра куба, так что путешественники стояли как бы на узкой галерее, обходящей с четырех сторон пустоту. Шагнув вперед и направив свет вниз, Профессор увидел нечто вроде четырехгранной лестницы, круто сходящейся вниз. Или это был скорее многоэтажный подвал, состоящий из все уменьшающихся полых кубиков. С каждого яруса на нижний вели узкие, крутые, очень разрушенные лесенки. Всего ярусов было семь, считая тот, на котором стояли Профессор и сэр Ричард. На нижних ярусах толстым слоем лежала какая-то легкая полупрозрачная шелуха. Ничего похожего на чье-либо присутствие здесь не ощущалось.

— Что там за мерзость? — спросил сэр Ричард.

— Посмотрим, — сказал Профессор. Помогая друг другу, они спустились по опасной лесенке. Пустые кожаные с мягким хрустом крошились у них под ногами. Профессор осторожно кончиками пальцев потянул за край тонкой пленочки и поднял нечто, подобное сброшенной цикадой оболочке, только гораздо больше, и образ, запечатленный на ней, был образ человека! Отпечаток человеческого лица с длинным толстым носом и тела с прижатыми короткими руками.

— Высохли, — сказал Профессор, бросая шкурку. — Все высохли. Они ведь живут, только пока их кормят живые.

Все же они спустились до самого низа, тщательно осматривая и выстукивая стены в поисках люка или тайного входа, но ничего не нашли.

— Совершенно безвыходное мировоззрение, — резюмировал Профессор.

Они поспешили выбраться из ступенчатого колодца и из мрака на свет. Солнце уже опускалось к закату.

— Какое молодое солнце, — сказал Профессор, — и какая безнадежно старая культура. Ветер, налетая, кружил вокруг них запахи моря, гор, пустыни.

.....

Ночь была отдана отдыху, в котором мистер Вильямс усиленно нуждался. Утром, посоветовавшись, путники решили посетить соседнее государство Египет. Против ожидания они проникли в него с легкостью необыкновенной.

— Великий народ, — сказал Профессор, взирая на Нильскую долину из окна своего купе.

— Они впервые научились не верить очевидности, а полагаться только на факты и суждения. Подобно прочим они не могли не видеть, что небосвод похож на опрокинутую чашу синего фаянса. Но они не признали это истинным, потому что их жизненное пространство было очень сильно вытянуто в одном направлении, но чрезвычайно сжато в перпендикулярном к нему, а землю такой формы никак не удалось бы накрыть небом в форме миски без весьма обширных зазоров, в которые, конечно, должны были непрерывно дуть какие-нибудь неприятные потусторонние сквозняки, чего на самом деле не было. Они поэтому умозаключили, что небо представляет собой скорее всего вытянутую прямоугольную коробку, а его видимая форма — обман зрения. Чего бы только не достиг этот народ, если бы... Взгляните...

Шервуд медленно двигался вдоль стены гигантского коридора, стены и потолок которого были голубое небо, а пол — слегка вогнутая посередине земля. Там текла длинная-длинная река.

— Нашему поезду никак не следует спускаться в долину, там слишком населено, — сказал Профессор, — надо думать, в этих горках для него найдется скрытое место. А мы пойдем на разведку.

Профессор и сэр Ричард на ходу спрыгнули на землю (Шервуд шел со скоростью пешехода). Некоторое время они шли рядом. Потом сэр Ричард догнал паровоз, взобрался на его железный балкончик и встал рядом с будкой машиниста, переговариваясь о чем-то с мистером Вильямсом и раскуривая трубку. Профессор чуть отстал и теперь шел за поездом по шпалам. Он думал о том, что он, как почти все люди, пропустил тот момент в своем развитии, когда человеку всего удобнее и приятнее ходить по шпалам. Детский шаг короче расстояния между двумя шпалами, а взрослый длиннее раза в полтора, поэтому детям приходится прыгать, а взрослым семенить. И вот Профессор, искусственно укорачивая шаги, чтобы не наступать на почву между шпалами, вдруг догадался, почему он этого избегает — почва была вся источена круглыми дырками, и в эти норки и из них беспрестанно юркали мыши.

«Ведь хлебная долина довольно далеко, — подумал Профессор, — хотя ее и видно. Здесь же ничего не растет. Неужели они бегают туда?» Взглянув вправо, в сторону обширной лоскутно-зеленой Нильской долины, Профессор обратил внимание, что оттуда, из этого весьма заселенного, застроенного и засеянного места сюда на узкий каменный прилавок, по которому они сейчас двигались, ведут лестницы, тщательно вырубленные в мягком камне, довольно широкие, расположенные с правильными, не слишком большими интервалами, что свидетельствовало о некоторой планомерности, а главное, о наличии постоянной и видимо необходимой связи между низом и этой относительной возвышенностью. Профессор так задумался, что даже остановился.

Медленно наступал полдень. Зеленые злаковые поля внизу источали влажный аромат, поднимавшийся даже сюда, но эта теплая свежесть была полна обещанием зноя и тяжелой сытной спелости.

Поднявшись мысленно по одной из лестниц из долины на свою похожую на каменный сыр возвышенность, Профессор пересек ее взглядом — заметив при этом, как сидевшая у норки мышка бросилась вниз головой, только хвостик и пятки мелькнули — и перевел взгляд влево, на невысокий отвесный склон, который поначалу не привлек его внимания, поскольку показался обычной, вполне естественной деталью лессового ландшафта. Но, приглядевшись внимательнее, он даже вскрикнул: то, что он принял за промоины и трещины, оказалось вполне рукотворным! Это были прямоугольные вертикальные ниши разной величины, в которые вели углубленные в стену ступеньки. В нишах были прямоугольные проемы поменьше; в одних зияла пустота, другие были плотно заложены.

«Некрополь, — подумал Профессор, — надо было раньше сообразить. Гробницы в скалах. Лестницы для похоронных шествий. А мыши едят крупу, которую туда ставят мертвым».

Тут раздался негромкий свисток паровоза, и Профессор увидел, что он отстал, и что сэр Ричард машет ему рукой. Перед самым носом Шервуда открывался вырубленный в белой скальной стене черный коридор. Прямо в этот коридор и уходили рельсы. Вход был оформлен грубо вытесанной в камне фальшивой архитектурой: колонны и поперечная балка, и был достаточно высок, чтобы Шервуд мог въехать в него со своей трубой. Это он, кажется, собирался сделать, именно так Профессор понял знаки сэра Ричарда: сэр Ричард, показывая рукой на вход, как бы спрашивал совета или сообщал о принятом решении, на что Профессор кивнул утвердительно и остался ждать, пока мистер Вильямс и сэр Ричард загонят поезд в тоннель, устроят его там, а сами выйдут к нему, чтобы договориться о дальнейших действиях. Шервуд зажег фонари и осветил каменные стены, наклоненные друг к другу, но тут же заслонила их своим темным крепким телом, осторожно въезжая внутрь.

Профессор смотрел, как в воротах скрывается черный цилиндрический котел Шервуда, будка машиниста и стоящий рядом с ней сэр Ричард, тендер, передний вагон — как вдруг там внутри раздался страшный грохот, лязг, даже кажется вскрик —

и последний вагон мгновенно исчез в темном проеме входа, как будто его стремительно ввернули туда. Ни секунды не раздумывая, Профессор бросился за ним. В тоннеле было темно — очевидно фонари Шервуда погасли — и Профессор бежал в темноте, спотыкаясь о шпалы, безоружный и беспомощный, ожидая каждый миг налететь на груды исковерканного металла и дерева или услышать (или ощутить?) удар взрыва. Ничего этого не было. Был запах дыма, но коридор был пуст. Мало того, впереди забрезжил свет. Профессор пошел медленно и вскоре остановился у края огромной ямы, из которой исходил слабый свет. Рельсы загибались в нее, но загибались плавно, без разломов. Профессор шагнул вперед, с ужасом думая увидеть на дне этой ямы разбитые останки Шервуда. Шагнул, у него закружилась голова, он качнулся, взмахнул руками и полетел в яму лицом вперед.

Он падал, но вдруг оказалось, что он только поскользнулся, но удержался. С бьющимся сердцем, в холодном поту, Профессор стоял между двух синевато блестящих рельсов в широком проломе бесконечно высокой вертикальной стены. Рельсы снова плавно загибались вниз, и глянув в этом направлении, Профессор увидел: рельсы продолжались вниз по стене, на них преспокойно стоял Шервуд, а вверх по стене к нему, к Профессору, шел сэра Ричард. От этого зрелища у Профессора сердце сжалось, голова снова закружилась, его снова неудержимо потянуло упасть вперед, он упал, но тут же выпрямился. Сэр Ричард держал его за плечо. Они стояли на обширной равнине.

— Все в порядке, господин Профессор, — сказал сэра Ричард, — мы с мистером Вильямсом сначала тоже испугались.

Профессор оглянулся и вздрогнул: за ним темнела огромная яма. Сэр Ричард поскорее отвел Профессора подальше от ямы. Профессор перевел дыхание. Тут он увидел мистера Вильямса, который выглядывал из окна машинного отделения, судорожно вцепившись в свой паровоз. Профессор и сэра Ричард поднялись к нему.

У мистера Вильямса волосы стояли дыбом. Фуражка валялась на полу. Глаза были круглые.

— Да, дела, — сказал мистер Вильямс, стараясь улыбнуться. — Как же это мы? Провалились... перевернулись... теперь вот мы здесь стоим. Где это мы, господин Профессор?

— Если я не ошибаюсь, — сказал Профессор, оглядывая окрестности словно с капитанского мостика с железной галерейки паровоза, — мы попали как раз туда, куда нам нужно.

И это было так. Со всех сторон к поезду бежали легкие коричневые люди. Разумеется, это были не люди, а одна только видимость. Они столпились вокруг, жестикулировали и непрерывно стрекотали, перебивая друг друга:

я не делал мерзостей
я не творил зла
я не заставлял работать сверх сил
я не заставлял голодать
я не уменьшал яств посвященных богам
я не похищал повязок у мумий
я не нажимал на гири весов
я не ловил сонной рыбы
я не спускал воду

Но на них уже никто не обращал внимания.

Удивительно было открывшееся зрелище. То, что было здесь небом, и то, что было здесь поверхностью земли - две вогнутые и вытянутые округлые формы совершенно смыкались друг с другом, и границу можно было определить только по цвету. Небо было коричневое, земля желтая с зеленым с голубой рекой посередине, которая продолжалась и замыкалась на небе, нарисованная пунктиром, а также нарисованы были звезды, луна и солнце.

Поезд и его пассажиры находились как бы в яичной скорлупе, расписанной изнутри. Но это бы еще ничего. Вся речная долина, как и наверху, была густо обжита и цивилизована, разбита на поля, прорезана каналами, застроена домами, шадуфами и элеваторами. Там кипела работа, сев и молотба, происходила торговля, лов рыбы и прочие бытовые сцены. Во дворах и домах женщины ткали, терли зерно, пекли хлеб. И таково было странное свойство перспективы в этом мире, что любой объект, близко ли, далеко ли он находился, и даже если между ним и глазом смотрящего была какая-нибудь преграда, все равно был виден во всех подробностях и в натуральную величину.

На том берегу, на расстоянии нескольких километров от Шервуда, человек вел быка под пальмами, и отсюда было видно, как осыпается пыль в следах плоских копыт и босых ног. Но, несмотря на отсутствие зрительного уменьшения размеров, глаз не ошибался в определении расстояния. Также и постройки не казались прозрачными, но все, что происходило за ними и в них, в каждом уголке, было отчетливо видно. Свет здесь был такой, что ли?

— Этот феномен, — сказал Профессор, — нам очень кстати. Вместо того, чтобы обшаривать все дома подряд, мы просто поглядим отсюда.

— А не посигналить ли? — сказал мистер Вильямс.

— В самом деле, — сказал сэр Ричард, — может аборигены удалятся.

Шервуд издал ошеломляющий свист, одновременно окутавшись пышно клубами пара. Свист перешел в рев. Шервуд гудел, завывал, ревел и свистел. Трое людей на нем ничего не видели и не слышали, но когда гудок умолк и пар растаял, путешественники опять увидели лес тонких коричневых рук и услышали голоса, уверяющие, что они не совершали мерзостей. Напрасно путники со всем усердием вглядывались в каждую деталь этого бесперспективного мира — они не обнаружили ни мистера Томпкинса, ни каких-либо следов его пребывания. Напрасно Профессор звал мистера Томпкинса, сэр Ричард стрелял, Шервуд гудел — они только распугали мышей, и то не надолго. Мышей здесь было не меньше, чем наверху.

— Мы зря теряем время, — сказал Профессор. — Дадим задний ход, попробуем выковырнуться обратно. И — в Индию. Мистер Вильямс, мы сумеем до завтра добраться в Индию?

— Надо добраться, — сказал мистер Вильямс. — Прикажете задний ход?

Профессор не ответил. Он задумчиво смотрел вниз. Толпа между тем поредела и вскоре вовсе рассосалась. Только мыши шмыгали между норками.

— Вы в затруднении, господин Профессор? — сказал сэр Ричард.

— В некотором смысле... Это не имеет отношения к нашим поискам, — сказал Профессор. — Чисто теоретический вопрос. Мы все давно знаем, сэр Ричард, что вы непревзойденный охотник на крупную дичь. Для вас не составит труда убить носорога или тигра. Но...

Профессор замолчал и смотрел нерешительно.

— Я вас слушаю, господин Профессор, — сказал сэр Ричард.

— Но вот, скажем, — сказал Профессор, — какую-нибудь мелкую зверушку — чисто теоретически — добыть гораздо труднее? Скажем, мышшь?

— Вам нужна мышшь, господин Профессор? — сказал сэр Ричард.

— Не поймите мои слова так, будто я прошу вас поймать мышшь, — сказал Профессор, — мне просто интересно: если бы это было совместимо с престижем лучшего охотника в мире...

— Не понимаю, что вас смущает, господин Профессор, — сказал сэр Ричард. — Охота — моя основная обязанность в экспедиции. Минимальный размер добычи нигде не оговорен. Вам нужна живая мышшь?

— Ж И В А Я ? — сказал Профессор.

Секунду они смотрели друг на друга с недоумением.

— Ладно, — сказал сэр Ричард, — сейчас.

Он спустился, отошел на несколько шагов, остановился и замер совершенно неподвижно. Профессор, волнуясь, смотрел, как мыши перестали бояться и вскоре бегали вокруг сэра Ричарда, как будто его не было. Вдруг сэр Ричард стремительно нагнулся — почти упал — чуть коснулся рукой земли и выпрямился.

— Поймали? — крикнул Профессор, сбегая с паровоза.

Сэр Ричард протянул ему зажатую в кулаке большую пушистую мышь. Она была вполне живая, с предлинными усами и уже укусила его за палец. Профессор осторожно взял мышь за шиворот, подержал — она яростно вырывалась — и отпустил на землю. Мышь убежала. Сэр Ричард вытирал кровь платком.

— Что и требовалось доказать, — сказал Профессор.

Не только лицо, но и вся фигура Профессора светились от полного удовольствия.

Египет, «Земля Кем», чем-то мил нашему сознанию, он не вызывает отторжения, как Ассирия-Вавилония, где менялись этносы, но не менялся взгляд на мир. И египтяне воевали, и они пригоняли пленных, и они угнетали рабов, их цари убивали животных на охоте и гордились добычей, но они не изображали сладострастно муки раненых львиц и десятки посаженных на кол побежденных. Их воины шли в поход босиком, расправив смуглые плечи, с луками и копьями. Ассирийский воин двигался, как осадная башня на широком основании, с тяжеловесным щитом, в чешуе доспехов. Можем ли мы представить, как они поют и танцуют на закате возле своих домов?

Египет, пальмы, лотосы, заросли папирусов, милые зверушки, птицы, множество птиц... Их кони не скачут — они выются по воздуху, как ленты; гибридные мулы, выведенные в Двуречье (особый гибрид осла и онагра, как недавно выяснили генетики) громят землю, по которой скачут.

Солнечная мудрость Египта. Для нас поработали греки, чтобы придать веса своим фантазиям, они приписывали их египетским жрецам. И совсем недавно, лет 500-600 назад, на краю обитаемого мира какие-то чудачки возрождали «науку Кема», алхимию.

Библия снисходительна к египтянам: язычники, идолопоклонники, но когда-то же они пропитали зачаток избранного народа, а тихий сумашай Эхнатон сочинил песню Солнцу, её можно и сейчас петь. Кажется и музыку сочинили, и пели.

И река, великая река, сама жизнь, путь от каменных теснин к безбрежному морю, к другим мирам... словом, «Американка в двадцать лет должна добраться до Египта». Россиянкам тоже можно.

Так в Индию они попадут наконец?

.....
Лес начался раньше, чем материк.

Живородящие мангровы стояли на высоких корнях прямо в морской воде, среди них плавали рыбы, моллюски и крабы вползали по стволам. Поезд продирался сквозь заросли с тяжкими муками, увязая по самые оси в соленой тине. Из-под самых колес выныривали крокодилы и змеи, водяные птицы прыскали в стороны, дым растекался в горячем тумане под пологом листвы.

— Ох, — сказал машинист мистер Вильямс, — ну ничего, скоро выберемся на сушу. Пот струйками стекал по его лицу. Все трое были в рубашках, и у всех троих рубашки были насквозь мокрые.

— Сэр Ричард, — сказал Профессор, — вы, кажется, не любите Индию?

— Не люблю? Почему? — удивился сэр Ричард.

— Вы, помнится, рассказывали, — сказал Профессор, — что вас здесь как-то чуть не убили на охоте?

— А, — сказал сэр Ричард, — правда. Приятель промахнулся. Это бывает. Если искать мест, где мы еще не рисковали жизнью, придется следующее сафари устраивать на Луне.

Поезд дернулся и встал. Один вагон соскочил с рельсов и опрокинулся.
 — Да отцепите, наконец, эти чертовы вагоны! — крикнул сэр Ричард.
 Они слезли в скользкую грязь, полную живности.
 Сцепление оказалось под водой, и отцепить вагон было не так просто. Пока они возились с цепями и крюками, большой морской краб укусил за правую руку мистера Вильямса.
 Поднявшись в машинную будку, машинист увидел, что сегодня он больше не работник. Его сменил сэр Ричард, который умел все на свете и в частности прекрасно водил паровозы. Профессор взял лопату и встал к топке. Освобожденный Шервуд рванулся вперед и вскоре достиг твердой земли. Теперь они проезжали рощи, украшенные пышно разросшимися побегами, рожденными весной, наполненные жужжаньем пчел, роящихся в воздухе, оглашавшиеся радостными криками кукушек, изобиловавшие чарующими водоемами, украшенными смеющимися цветами лотосов и водяных лилий, освежавшихся приятным ветерком, напоенным ароматом и благоуханием различных цветов.
 Профессор, изредка отстраняясь от огненного жерла, видел эту изнемогающую в изобилии землю и жалея, что так мало думал о ней раньше, машинально вспоминал, что он читал когда-то в популярных книжках по индийской философии

леса там радость сердцу
 ковром цветов блистали
 там раздавались крики павлинов
 и самцов кукушек
 и на лужайках пробивалась
 нежная трава и слышалось
 жужжанье опьяненных пчел
 в местах веселых игр любовных
 и царь
 сказав «да будет так» повелел
 восхитительное озеро с водой
 прозрачной различные виды
 лотосов падма утпала
 кумуда пундарика саугандхика
 тамараса кахлара деревья
 скрытые в цветах прекраснolistые
 и колыхавшие блестящими ветвями
 роились пчелы в воздухе пыльца
 прекрасных лотосов и лилий
 водяных и очертание и окраска рыб
 мадой слонов пыльцой цветочной
 благоухал прекрасный водоем
 от омовений жен
 видьядхаров громады туч
 подобно полчищам дайтьев
 неся тьму молнии стаи
 журавлей стаи лебедей стаи
 павлинов маленькие птички

Небесные воды
 Частицы света
 Земля - смерть

Огонь
 Ветер
 Солнце
 Страны света

Травы и деревья
 Смерть
 Луна
 Вода
 Дыхание
 Океан
 Воплощенный образ
 Вдыхая
 Уже видя
 Это его первое рождение

Имена данные познанию
 Луна спрашивает
 Мудрого

В этом мире
 Знают лишь настоящее

— Что же нам делать? — сказал Профессор. — Какой иной мир мы здесь найдем, если этого-то на два шага вглубь не разглядишь? Есть тут что-нибудь кроме этого леса?

большое баньяновое дерево
 как горная вершина подобное
 скоплению облаков плоды
 упоительный аромат олени руру

Кому ты отдашь меня
 Смерти
 Среди многих

антилопы яки буйволы
гиены тигры волки вепри
как на земле имеются
скот и лошади вместе с горными
и лесными животными
так и на небе есть для тебя миры
знай это изобильные медом
и топленным маслом они
бесконечны сколько областей
на Земле нагревает Солнце
своим жаром
столько миров бесконечных
видом подобные молнии шумные
великие я дарю их тебе
он родился оленем руру с гладкой
шерстью похожей на расплавленное
золото кроткие глаза
словно чудесная сокровищница он
бродил по лесной чаще зная
заманчивую красоту своего тела
среди зарослей бакулы
пиялы хинталы тамалы
нактамалы словно желанный
дар и сотни деревьев с цветами
плодами почками и ветвями
о лучший из слонов словно
движущаяся вершина снежной горы
или сгустившийся белый
туман или осеннее облако
тот самый это мады струйками
блистающий благоуханье
ветру отдающий
продолговатый полный лик
на крепкой шее которой никогда
погонщика не трогало бодило
и обремененная переполненная земля эта
стала как бы погружаться
изобильная зерном и людьми и богами

Трижды
Испытав
Сомнение
Царствуй
Внизу на земле

Где
Источник
Золотой образ
Твой образ

Два образа
Солнце-Брахман
Чудесный
В огне без дыма
И тот который
Живое существо
Следует знать
Их обоих
Когда нет тьмы
Ни дня
Это желанное сияние
От него
Образ его
Сердцем властвует
Он — всеобщее лоно
Человек
В горести мира
Непреходящий
Он начало
Соединение
Трех времен

Это скрытое
Охраняется другим

Обрываются нити ветра
В бездонном колодце

Воздух был так насыщен влагой, теплом и благоуханием, что пар не мог выбиваться из котла. Густой сладкий туман обволакивал уголь в топке, огонь слабел и угасал. Шервуд, маленький стремительный Шервуд тащился как ленивый вол, его бока блестели от дикого меда и цветочного нектара, рой насекомых гудели над ним, колеса буксовали на рельсах, измазанных птичьим пометом, соком плодов и пылью. Приходилось все время давать гудки, чтобы прогнать с полотна дороги животных, дремлющих или жующих жвачку. Но они не спешили уходить. Тогда кто-нибудь соскакивал на землю, обгонял паровоз и прикладом сгонял животное с рельсов. Останавливать паровоз было нельзя, вряд ли бы потом удалось сдвинуть его с места. Стрелять тоже не хотелось. Неизвестно было, какие последствия вызовет один выстрел в этом перенасыщенном жизнью мире.

и лес подобный Нандане
изобилующий деревьями
встревоженный, стали
покидать крупные звери
лишенные вожаков подняли
крик со всех сторон
терзаемые отчаянием падали

Одна часть — земля
Две части — разум
Три части — солнце

а — мир людей
ау — мир Луны
аум — мир Брахмы

замертво и он охватив лес
со всех сторон семью своими
огненными языками
а некоторые измученные
голодом и жаждой были
съедены там голодными
воинами тиграми среди
мужей он в гневе стал
жечь лес как бы наступил
конец юги сжигая все
существа не могли приметить
никакого промежутка
великолепные дикие слоны
испускавшие кал и мочу
истекавшие кровью убили
много людей они с горящими
телами обезображенными
взлетали вверх с обгорелыми
крыльями глазами и ногами

и гигантское пламя бушевавшего огня поднялось к небу,
и мистер Вильямс сказал: «Сейчас взорвется котел».
и владыка богов покрыв небо
огромной сетью начал лить
дождь но не достигая цели
от жара огня высыхали
в самом небе при помощи
дивного оружия удерживал
ливень дождем своих стрел
и обрадованный Пожиратель жертв
не встречая противодействия
стал принимать
различные формы
и пылал неизмеримым
пламенем наполняя своим
шумом весь мир

Лук Гандива
звуки раковин и грохот барабанов
Мечет острые стрелы
рев слонов проходящих среди войска
Хорошо заостренные стрелы
оружие наше не сверкает
Стрелы с оперением стервятника
огни не блещут пламенем
Пронзают даже горы
вороны садятся на наши знамена
Несущий смерть Яма
шакал пробегает сквозь войско
Агни с пастью божественной кобылицы
Лук Гандива
Подобный грохоту облаков

Известно идущим вверх
Огонь Вайшванара
В тайнике
Словно колесо
Он не видит
Он связан
Злым духом
Привязан к колеснице
Всеобщей гибели
Становится тройным
Два образа
Три части
Вайшванара
Не становится пищей
Он — вкушающий
Огонь — поедатель
Приносящий жертву
Себе самому

По моей милости
В небесном мире
Небесном огне
Постигая
Скрытое в пещере сердца
Огне - начале мира

Огонь
Ветер
Солнце
Страны света
Травы и деревья
Луна
Смерть

Когда огонь не пылает
Когда солнца не видно
Когда луны не видно
Когда молния не
вспыхивает
Когда не говорят речью
Когда не видят глазом
Когда не слышат ухом
Когда не мыслят разумом

Хвала
Всевидающему
Хари

Дыхание
Огонь
Как реки

божества гандхарвы ракшасы
и змеи планеты
Звон лука Гандива раскаты облаков
Обезьяна ревет непрестанно и он
затрубил в раковину поднимаются
от ужаса волоски на теле
Держащий лук Гандива
Огонь сжигающий лес ливень стрел
Я заставлю течь великую реку
вместо воды - кровь
кости вместо болотных трав
мясо и кровь вместо тины
могучие воины на колесницах
вместо больших островов
Лук Гандива
он уронил на дно колесницы
И он сказал: не буду сражаться

Прошедшее
Настоящее
Будущее

Несущий свет
Меня такого
Меньше малого

Благословение
Огонь
Да избавлюсь я
Он сказал
Его имя
Золотой блеск

Внезапно кончился горящий лес, Шервуд вырвался в темную прохладную пустоту. У него словно крылья выросли, и он помчался, гремя и пыхтя, выбрасывая облака дыма, и от блеска его фонарей еще темнее казалась ночь, лишь рельсы перед ним сверкали, как два меча, и он мчался, пока не исчезло даже зарево за горизонтом.

И тут сэр Ричард остановил машину. Измученные люди повалились, кто где стоял, и впадая в забытие они слышали, как звенит и вздрагивает, остывая, железо. И еще они слышали звук, прекраснее которого нет на свете — недалний шум моря.

Где-то Инд... *Цветаева, Крысолов*

Карта Индии с такой надписью висела у нас еще в старом доме, в 60-м, и что-то похожее витало в умах американских школьников. Скоро они встанут и пойдут. В 70-х наш друг, индолог Сережа Серебряный, там встречался с повзрослевшими детьми-цветами. Может быть, хотя бы некоторых из их детей вывезли в Штаты бабушки и дедушки.

Преизбыток телесной жизни, деревьев и слонов, цветов, красок, ароматов, буйволов, рек, гладких смуглых тел, рук и ног, обнаженных, умащенных, касающихся друг друга, молодых, несказанно красивых, уста, брови, глаза, подобные (всё чему-то подобно и все подобны), потоки, переплетения эпитетов в превосходной степени, мед и топленое масло, огонь, жирный от масла, рождения и зачатия, ибо про каждого значимого персонажа сначала рассказывают, как он был зачат и какие мистические и политические преграды для этого преодолевались..., Колесо, хоровод превращений, опутанный змеями и цветочными гирляндами, хоровод обезумевших от страсти гопи, пастушек, окружающий самозабвенно танцующих Кришну и Радху...

Следишь за многословным подробным повествованием о том, как некий отшельник и небесная дева качают права, а этот сюжет лишь эпизод из долгого рассказа странника и нужен, как аргумент в споре о законности некоего желательного решения...

Но читается захватывающе! Только перечитывать трудно, слишком много (скажем, слов и придаточных предложений).

Представьте себе мангровый лес, который с таким трудом преодолели наши герои, густую, непрозрачную, пузырящуюся воду, в которой кишат и непрерывно размножаются существа всех размеров, таксонов, жизненных привычек, в которой плоды растений прорастают, расцветают и приносят плоды прямо здесь и сейчас, и это без сезонного перерыва. Пахнет это, наверно, как парфюмерный магазин в коровнике, и громко звучит, мычит, ревет, стонет (тропические птицы не поют).

Неудивительно, сказала Кари, зарождение в этой среде самого строгого, убийственного аскетизма в самых разных ветвях религий, ужаса перед «колесом перерождений» и мировоззрения, отрицающего ВСЕ вообще и самого отрицающего...

Сейчас не помню, но кажется, я взяла первую книгу Махабхараты, Адипарву (второй еще долго не было, открыла комментарии, примечания и переводы непонятных слов, и надергала строчек в две колонки. Но один зашифрованный сюжет перескажу.

Однажды Кришна и Арджуна, бог и герой, беседовали на лужайке. К ним подошел жалкий нищий и потребовал, чтобы они его накормили. Оба готовы были немедленно исполнить долг кшатриев, но нищий спорил, что они не смогут утолить его голод. После небольшого препирательства бог Агни принял свой истинный вид и сказал, что до полной сытости ему нужно пожрать весь ближний лес со всеми его обитателями, до последней букашки. Договорились, что друзья будут объезжать лес на двух колесницах, навстречу друг другу, и сбивать стрелами всякое живое существо, пытающееся покинуть рощу... Там есть маленькая вставная новелла... некий риши (мудрец, отшельник) обращается к Арджуне со слезной мольбой: он подвизался много веков, достиг освобождения, но не исполнил религиозный долг перед предками – не оставил потомства... И вот он, превратившись в птицу, завел себе куропаточку, и у них появились детки. Порешили так: риши пойдет домой, выроет норку, спрячет там детишек, а мать их прикроет сверху. Сам он... не помню. Может, вознёсся. Куропаточка погибла, детки выжили.

За услугу прожорливый Агни, потирая сытый живот, предложил друзьям, каждому по отдельности, «дар» - все, что только смогут придумать. Арджуна захотел небесное оружие и получил волшебный лук Гандива.

.....
Но на рассвете первые солнечные лучи согрели железный бок паровоза, в его теле ожила сила инерции огромного пройденного пути, и Шервуд сам двинулся в путь, благо и рельсы были слегка под уклон. Сэр Ричард проснулся от легкого толчка, приподнялся и увидел, что путь проложен по узкой полоске песка между светлым на рассвете морем и пустынными пологими горами. Море курилось туманом, низкие волны добежали до самых шпал, Шервуд ускорял ход и как всегда ритмично подпевал себе

Восток загодя изводил
Пространство и тмином дымил
Покуда не всплыл из воды
Живой и растительный мир

Раздались твердые шаги по железу, подошел Профессор и встал рядом, держась за перила, подставляя воспаленное лицо свежему ветерку

И в саморазвитьи немом
Достиг языка существа

— О чем это? — сказал сэр Ричард. — Мелодия знакомая, а слов не разберу.

И в пику потоку чернил
Действительности катастроф
Играючи сочинил
Толику трагических строф

— Трудно сказать, — начал Профессор, — сам автор...

Но тут они услышали, что машинист мистер Вильямс проснулся в своей будке и взялся за рычаги. Сэр Ричард занял место в кочегарке. Мистер Вильямс высунулся из окна.

— Где мы едем? — крикнул он.

— По берегу Эгейского моря, — сказал Профессор, — вон там, вдали, выступают из моря Спорады, за ними длинное, как туча — это Эвбея, за ней должен быть Пелопоннес. По трапу он забрался в тендер, немного пошуровал уголь и спустился в кочегарку, где сэр Ричард возился с топкой.

— Возвращаясь к вашему вопросу, — сказал Профессор. — Однажды при мне спросили об этом же автора этого стихотворения. Он ответил, что хотел изобразить развитие ноосферы. Одна же моя знакомая, весьма эрудированная дама, утверждает, что это надпись на могильном камне Гомера.

— Я не знал, что его могила известна, — сказал сэр Ричард.

— Нет, конечно, — сказал Профессор, — камень установлен на могиле Ахиллеса и Патрокла — кстати, мы как раз проезжаем ее.

Автор этого стихотворения читает свои стихи на каком-то творческом мероприятии.

Славка Лён

Два дня назад, 6 февраля, заглянула в интернет, может автор выложил собрание сочинений, а то я этот стишок дальше не помню, а подаренный когда-то машинописный сборничек не сохранила. И узнала, Слава Лён умер два месяца назад, 6 декабря.

Многие знакомые вспомнят его с улыбкой, чуть насмешливой. Такого выпендрёжника,

такого трепача, такого тусовщика... нет, не поискать. Один такой и был. В таком образе он появлялся на всех мероприятиях Мемориала. Как он выглядел на отпевании Горбаневской в Козьме и Дамиане, не помню, хотя говорят он к нам подходил. На выставке Пятницкого в 2008 году он, по традиции (своей) читал стихи, написанные на смерть Володи, кажется еще в штатском. На фото он в орденской мантии с цепью и знаком Академии, им самим основанной (с кем-то еще).

Википедия: Русский поэт-квалитист, художник-нонконформист, философ-рецептуалист. Доктор географических (разве что кандидат, и то...), философских наук, искусствоведения... Профессор. Президент международной Академии русского стиха... В 1955 году в середине семестра, он с потолка свалился в нашу 118 группу Химфака, оказалось перешел с филфака, на втором курсе материализовался на Геофаке, я встречала его в литобъединении... «мог ли я думать тогда, что стану — в конце концов — профессиональным герменевтиком?! Методологом. Игротехником. Профессором философии...»

Игру помню, т.е. разговоры о «мыследействии», которое показывают рисунком на ладошке в процессе «мозгового штурма». «Мы опровергли Римский клуб!» — провозгласил он как-то (это которые предсказали экокатастрофу через 20 лет), на вопрос: они об этом знают? — смущенно засмеялся.

Нашу химическую компанию он и в звании академика не забыл, являлся на наши сборища, когда-то ежегодные. Сколько-то раз мы собирались на чтения моего романа, он приходил обязательно и выдавал комментарий, по делу и интересный. Очень развеселился, услышав свои строки... мы оба были правы насчет их смысла: Эллада — колоссальный выброс ноосферы, а без Гомера какая же Эллада, её бы не было. Он и Кари наблюдали друг за другом сочувственно и ревниво... На ее похоронах мы тоже встретились.

Еще у него был литературный салон, другие салоны и квартирные выставки он не пропускал, печатал и распространял самиздат приличными тиражами, издавал альманах за границей, не помню как назывался, и что я, сам расскажет, только спросите. Да, и вообще он не Лён, у него две дворянских фамилии, родовое гнездо и всякое такое.

Профессор попросил мистера Вильямса остановить на минутку паровоз. Шервуд затормозил у подножия невысокого голого кургана. Профессор и сэр Ричард поднялись на вершину.

Перед ними лежала небольшая каменистая равнина, почти белая в лучах уже высокого солнца. Светлым было и небо над ними, только море, беспокойное, темнело. Профессор глубоко вдохнул свежий потеплевший воздух.

— Все так и есть, как было, — сказал он. — Вот развалины Илиона. Вон пень от Скейского дуба, вон та речка — Ксанф, а та — Симоис. Здесь был корабельный стан; здесь, где мы стоим, стояли мирмидонцы, а там, — он указал вдаль, где дуга залива касалась горизонта, — там саламинский флот.

Они еще постояли молча.

— Куда нам теперь? — сказал сэр Ричард.

Профессор ответил не сразу. Он оглядывал окрестность, нахмурясь и закусив губу.

— Не знаю, как и быть, — сказал он наконец. — Пожалуй, я объясню вам свои сомнения, а вы решайте, что мы предпримем.

С той минуты, как мы взойшли на этот холм, я испытываю сильнейшее нежелание заниматься поисками потустороннего мира в этом мире. Как будто и не страх и не предчувствие бесполезности поисков — нет, что-то вроде морального запрета.

Совершенно иррациональное убеждение. Что вы посоветуете? Тронуться скорее дальше, благо близка область, благоприятная для наших поисков? Или пренебречь сомнениями? Ученые обычно считаются со своей интуицией — просто у нас так принято. Но охотники? Как вы поступаете в таких случаях?

— Точно так же, — сказал сэр Ричард. — Только у нас это называется охотничьи суеверия.

.....

По берегу Эгейского моря...

Удачно уклонившись от кольцевого маршрута, «колеса превращений», Шервуд вышел на боковую ветку, и почти сразу — на Магистральный Путь Цивилизации. Здесь, на развилке, произошло почти незаметное поначалу событие — превращение Культа в Культуру. Жители скалистого побережья и архипелага не перестали возносить песнопения, ублажать своих богов, просить, умолять, требовать и вразумлять себя самих, как лучшим образом добиться от богов желанного (в Индии-то можно было, если постараться, свести богов с неба и заставить исполнить свое требование — только это часто выходило боком). Можно было и сжульничать с жертвой, что уж там. Боги сами хороши.

Словом, воины-мореходы огляделись и придумали Поэзию, Историю, Математику, Логику, Драматургию. Не великая держава, не Цари Царей с тысячами колесниц, толпами пленных, пирамидами и зиккуратами, дворцами, коронами и ожерельями, а потомки ясноглазых морских разбойников, «народов моря», ахейцы. Да они скоро расточат себя в набеги на Крит, на Илион...

Кстати, Троянская война, как и битва на Поле Куру, начались из-за женщин. Тех, «чей удел, гадая, умереть»... или «ткальный стан обходя» или «ложе разделяя»...

Что-то в этом есть. Первоначало, праматерь, Мать Земля, безответная, бессловесная.

А со стороны Родина Разума, Исследования, Диалога — Чечня Чечней, как и все соседние сообщества, как и следующая Станция на пути мирового развития.

С рассвета до полудня путь пролегал среди холмов, оливково-коричневых, золотых и зеленых, с редкими темными деревьями. Справа по горизонту тянулись низкие светло-лиловые горы. Слева между холмов иногда виднелось гладкое синее море. Паровоз шел ровно и быстро. Белые клубы пара медленно плыли вверх и там под твердым синим куполом узкая цепочка облаков повторяла путь Шервуда по долине. Изредка показывались замки на холмах, маленькие города на берегах рек. Но они были далеко. Профессор и сэр Ричард не разговаривали, но думали об одном и том же. Солнце поднялось в зенит. Сэр Ричард курил трубку, стоя у перил, и внимательно разглядывал однообразно меняющийся пейзаж, словно искал в нем каких-то примет. Подошел Профессор. Они стояли молча.

— Это просто невозможно, — сказал Профессор.

— Я уверен, на сто процентов уверен, что это исключено, — сказал Профессор. — Это явление совершенно иного уровня. Я хочу сказать, с нашей стороны было бы просто нескромно думать... Как говорится, это по другому ведомству. Здесь таких противоестественных случайностей быть не может, и мы даже не сможем туда попасть, по той же причине... Я чувствую, я убежден, что мистер Томпкинс жив. И потом, он был... я хочу сказать, он такой славный человек — за что же его сюда? Что вы думаете, сэр Ричард?

— То же, что и вы, — сказал сэр Ричард, — это наш долг.

— Да, — сказал Профессор, помолчав секунду, — и мы не имеем права подвергать опасности мистера Вильямса. Но все же постараемся подъехать поближе — у нас нет времени на пешие прогулки. Где ваша карта, сэр Ричард?

— Карта моя осталась в вагоне, — сказал сэр Ричард, — но это неважно, я ее хорошо помню. Вон за тем холмом с тройной вершиной откроется река; надо свернуть и ехать вверх по течению к горам. Дальше будет видно.

— Мистер Вильямс, — сказал Профессор.

— Да, сэр, — отозвался машинист.

— Мы сейчас находимся недалеко от Дантова Ада и собираемся поискать там мистера Томпкинса. Его наверняка там нет, но мы должны быть уверены, что сделали для его спасения все возможное. Если вы не против, подвезите нас еще немного. Вы остановите паровоз на безопасном расстоянии, мы пойдем дальше, а вы подождете нас некоторое время, не очень долго — мы можем выйти не там, где вошли. Если не дождетесь — возвращайтесь домой.

— Слушаюсь, сэр, — сказал мистер Вильямс, — прикажете прибавить пар?

— Да, пожалуйста, — сказал Профессор. — Сэр Ричард покажет вам дорогу.

И он пошел к топке.

В самом деле, рельсы вскоре обогнули трехглавый холм, и паровоз двинулся вдоль реки. Пейзаж менялся на глазах. Вначале просторная и пологая, долина стала круто сужаться и подниматься. Скалы по берегам реки становились все выше и отвеснее, словно росли. Рельсы пролегли теперь по узкому карнизу на опасной крутизне. Река была уже далеко внизу. Паровоз свернул в боковое ущелье, и шум воды затих за каменной стеной. Теперь с двух сторон были только скалы, поросшие крючковатыми деревьями. Солнце не проникало в эту щель, словно прорезанную в толще камня ножом. Скалы налегали все теснее. Подъем стал таким крутым, что казалось только вьючный мул мог бы его одолеть. Но паровоз упорно карабкался вверх.

— Мистер Вильямс, — сказал сэр Ричард.

— Да? — сказал мистер Вильямс.

— Мне кажется, Шервуд дальше не пройдет, — сказал сэр Ричард.

— Шервуд пройдет везде, — сказал мистер Вильямс.

И Шервуд шел дальше. Каждую минуту казалось, что путь упирается в тупик, но тупик оказывался поворотом, за поворотом следовал еще более узкий и страшный коридор.

С двух сторон — можно было дотянуться рукой из машинной будки — обнажались фантастически изломанные, искореженные, разорванные пласты пород, зияли трещины и черные норы, из которых тянуло сырым холодом. Камни уже царапали железные бока паровоза. Какие-то деревья, уже совершенно мертвые, тоже словно каменные, вцеплялись перекрученными корнями в ребристые острые скалы, ползли, извиваясь, по каменным стенам, вращали друг в друга изломанными сучьями. Неба не было. Вдруг из пещеры справа выскочил крупный пятнистый зверь, перепрыгнул рельсы и скрылся на другой стороне.

— Мистер Вильямс, тормозите, — сказал сэр Ричард.

Мистер Вильямс не отвечал.

— Мистер Вильямс, — сказал сэр Ричард, — приказываю вам остановиться. Мы здесь выйдем, а вы дадите задний ход и постараетесь выбраться к реке, пока путь не завалило обвалом.

— Да ладно уж, — сказал мистер Вильямс, — вместе уж поедем.

— Мистер Вильямс, — сказал сэр Ричард, — мы с Профессором ищем своего друга. Вас это не касается. Вы не должны рисковать.

— Чего уж там, — сказал мистер Вильямс.

— Опомнитесь, — сказал сэр Ричард, — вы рискуете больше чем жизнью. У вас семья! Остановите паровоз!

— Нет, — сказал мистер Вильямс.

Тогда сэр Ричард схватил машиниста за плечо и отшвырнул его от рычагов управления. Но он не успел нажать тормоз...

До Флоренции, стартовой площадки для очередной ступени Вертикального Прогресса, родины Гуманизма... слово это принято считать неправильно понятым, как «Доброта», а на самом деле это «Всецеловечность», полное воплощение замысла о «Человеке», т.е. на самом деле правильно: это одно и то же. Когда Замысел воплотится, исполнится предвиденное и обещанное: «Милость и Истина сретостеся, Правда и Мир облобызастеся». Где-то внутри нашего мира это произошло и происходит, хотя во Флоренции «гуманистами» были кондотьеры, интриганы и отравители. А как же? Они ведь знали греческий. И если греческие города-государства, размером дай бог с Тулу (скорее Серпухов) воевали между собой на истребление, то на полуострове в виде сапога (Италия появилась в середине XIX века) это выглядело еще круче... м.б. потому, что мы знаем по именам больше действующих лиц? Что бы им остановиться, спасти Византию, а додраться уж потом?

Потому что и вправду ведь страшно: казалось, христианский мир вот-вот рухнет перед исламом...

Но как он не имел в себе живых сил и не мог предъявить миру ничего, кроме чисто ассирийской свирепости, а мы зато готовимся уничтожить этот самый мир в ближайший вторник или пятницу, вместо фиги доставая из кармана широких штанов окончательный аргумент в споре цивилизаций...

Шервуд, издав пронзительный вопль, остановился сам. Мистер Вильямс и сэр Ричард упали от резкого толчка. Рядом в кочегарке лязгнуло железо и вскрикнул Профессор. Шервуд, окутанный клубами пара, дрожал мелкой дрожью и со скрежетом подобным стону тихо скользил назад. Все трое одновременно выскочили на площадку и увидели прямо перед собой — Ангела, преградившего им путь.

Ослепительный и гневный, он сиял, раздвинув стены ущелья. Огненные одежды его струились. Крылья реяли над ним подобно грозовой туче. Словно ветер шел от него, страшный, как буря, и трое людей должны были держаться друг за друга, чтобы не упасть. Но это был свет, исходивший от его лица. Грозный голос звучал из нестерпимого света.

— Безумцы, — прогремел голос, — что за непомерная гордыня привела вас сюда?

Разве сердце и разум ваши не говорили, что здесь вам нечего делать и некого искать? Но из страха усомниться в жалкой своей храбрости вы забрались в места, запретные даже для мысли! Прочь!

Огромным пламенным мечом он провел черту у своих ног, разрезав и расплавив рельсы. Потом поднял меч и простер его над паровозом и над головами людей, приказывая им вернуться. Тогда Профессор, преодолевая страшное давление света, рванулся вперед.

— Где мистер Томпкинс? — крикнул Профессор. — Он жив?

И Ангел смягчился — или это им показалось. Он опустил меч.

— Ваш друг жив, — сказал Ангел, — он найдется. Ступайте.

Они не видели, как Ангел исчез. Они словно ослепли.

Почему-то обратный путь оказался быстрым и легким. Пятясь задом наперед, Шервуд почти незаметно соскользнул к выходу из ущелья, тут мистер Вильямс очнулся, взялся за управление и задним ходом повел паровоз вдоль реки. У моста он затормозил.

— Куда теперь? — спросил мистер Вильямс.

— Туда, — сказал Профессор, махнув на противоположный берег.

Они переехали реку по чудесному мосту из белого камня. Путь змеился теперь среди невысоких причудливо изящных скал и злчных долин, среди селений в садах и небольших укрепленных городов. Скалы были увенчаны остроконечными замками.

Нередко путь пересекали реки. Их берега соединялись красиво изогнутыми мостами. Был еще не вечер.

— Хорошо бы заправиться, — сказал мистер Вильямс, — уголь кончается и вода.

— А вон впереди, кажется, станция, — сказал Профессор. — Вот туда и поезжайте.

Здание вокзала, в которое въехал паровоз, напоминало благородные базилики раннего ренессанса. Длинные ряды стройных мощных колонн тянулись по обеим сторонам центрального нефа.

— Сойдем, посмотрим? — сказал Профессор.

Сэр Ричард взял свой винчестер и спрыгнул на перрон. Профессор присоединился к нему.

Они пошли влево. Здание было еще больше, чем показалось вначале. Впереди, где полагалось бы быть алтарю, ряды колонн уходили в светлую неразличимую пустоту. За колоннами была не стена, а параллельный ряд колонн, за ним следующий, и опять, словно это был сад из колонн или лес, где деревья растут стройными рядами. Колонны были великолепны. Плотные и вместе изящные, они были сложены из разноцветных мраморов и яшм и ни одна не имела подобной по цвету и рисунку. Они были не очень высоки, но своды потолка терялись где-то глубоко вверх. По-видимому, какая-то оптическая иллюзия была причиной этого странного впечатления. Во всяком случае украшения на потолке были совершенно неразличимы.

— Архитекторы любят пользоваться готовым, — сказал Профессор. Он стоял у одной из колонн, разглядывая великолепный шлиф сильно метаморфизированного известняка.

— Строители романских соборов разбирали античные храмы, а такое вот ренессансное здание может включать в качестве стройматериалов целые блоки романских, византийских и готических построек. Я не знаток архитектуры, к сожалению. Но посмотрите только на этот камень! В нем одном спрессованы сотни безупречных архитектурных сооружений. Посмотрите, вот археоциат, это шестилучевой коралл, вот трилобитик, маленький совсем... *Arctaspis robustus*... *Dictionema*... *Siphonotreta unquiculata*, а это брахиоподы — *Mickuritzia monilifera* и *Kutorgina lenaica*, вот еще трилобит...

В самом деле, узор, покрывающий гладкое цилиндрическое тело колонны, состоял из цепочек, веерообразных скелетиков, овалов, спиралек, шестиугольных пластинок, сеточек, звездочек. С первого взгляда было ясно, что каждая деталь орнамента — не случайная игра безответственной неорганической материи, а результат организованной целесообразной деятельности...

Пустая перспектива Ренессанса... Кари

Неиссякаемая занимательность и красота мелких ракушек, античные трагедии развития жизни на Земле прямо-таки требовали проводить параллели (а также перпендикуляры, хорды, синусоиды и прочие загогули) среди сюжетов истории, палеонтологии, методов вульгарного дарвинизма, теории катастроф в развитии познания и прочих тем для долгих «вполумственных бесед» на кухне. Мы с Кари немало посуесловили, а потом она из Питера написала, что приснился ей сон – она созерцает кусок осадочной породы с окаменелостями, и вдруг брахиоподы и криноидеи начинают явно расти, выпирать из плоскости шлифа, изгибаться, они раскрываются, выступают какие-то отростки... «Зачем только Наталья всего этого напустила», думает Кари раздражено, с досадой. См. ниже. Наталья – это я. Кари не одобряла моей декоративности, украшения. Отсюда взялся весь ренессансный вокзал – станция метро Красносельская, классическая базилика, с темно-красными колоннами, напичканными всякой бывшей живностью, куда возят на экскурсии первокурсников Геофака.

Некоторые экземпляры были так крупны и так удачно распилены, что их внутреннее устройство было прекрасно видно, как под увеличительным стеклом — радиальные перегородки, сегменты, чешуйки, ребрышки, веточки.

— Сколько энергии, — сказал Профессор, — и какой энергии — биологической! точно и экономно распределенной — аккумулировано в одном только этом монолите, из которого выпилена одна только эта колонна! А для строителей храма это всего лишь грубый камень, мертвая материя. Какой букет ферментов, — продолжал Профессор, обводя пальцем безупречную спираль крупного аммонита, — управлял распределением углекислого кальция в этом организме, пока он жил, чтобы этот минерал откладывался такими изысканно изогнутыми ребрышками, да еще с узелками посередине? Что, покойник аммонит? Ну скажи, зачем тебе такая лопастная линия? Нельзя ли было что-нибудь попроще? Вечно это барокко, а там, увы, финал... Посмотрите, сэра Ричард: это, видимо, иллюзия спирали — если смотреть на него пристально, кажется, что он растет... — Он растет, — сказал сэра Ричард.

Пока были сказаны эти слова, аммонит не только вырос, но и заметно выступил из мрамора. Твердая ребристая раковина на глазах округлялась, наливалась цветом, спираль начала раскручиваться. Вокруг проступали тоже какие-то зернышки, из них потянулись побеги, они превращались в кубки, чашечки, полушария, на них возникали новые проростки. Слышался легкий хрустящий шорох.

— Посмотрите, — сказал сэра Ричард, тронув Профессора за локоть.

Каждая колонна, сколько их можно было видеть, словно увеличилась втрое и шевелилась и росла дальше. Как деревья в тропическом лесу исчезают под слоем лишайников, эпифитов и лиан, так и стволы колонн покрылись порослью губок, кораллов, каких-то еще сложных костяных структур. Среди хрупких веточек мощно выступали твердые створки раковин, выпукло-вогнутые, коленчато-изогнутые, вздутые, округленные, кубические, овальные, в резких радиальных и концентрических складках и острых бугорках. Там еще возникали и росли кристаллы, формировались плоские блестящие грани, на них появлялись новые мелкие кристаллики и сразу становились зародышами нового процесса. Кристаллы срастались друг с другом, образуя двойники, друзы, щетки, сверкающие зернистые массы, сферолиты и дендриты. Кристаллы, губки и раковины прорастали насквозь, обламывались, на поверхности скола тут же являлось нечто совсем иное — живые шевелящиеся иглокожие, мягкие полипы, древесные грибы, толстые мясистые листья. Изнутри шевелящейся растущей массы выползали коленчатые и винтообразные стволы, устремлялись вверх, раскрывались веерами и пучками листьев, кто-то ползал и перепрыгивал в чаще, мелькали членистые лапки, фасетчатые глаза, чешуйчатые панцири. Что-то выскакивало наружу, шлепалось на пол, уползало между стволов.

— Боже мой, — сказал Профессор, — пойдем скорее назад. Как-то там мистер Вильямс. Только откуда же мы...

Сэр Ричард повернулся, снял с плеча ружье и пошел, и Профессор пошел за ним. Он шел и думал, что за многие совместные экспедиции он так привык видеть перед собой широкие плечи сэра Ричарда и его седеющую голову, слегка склоненную к правому плечу (когда-то давно сэр Ричард был ранен в шею — задолго до того, как Профессор с ним встретился), что почти уже не замечал своего постоянного проводника, а шел как будто сам по себе, занятый своими мыслями. Шли они недолго. Несколько раз им приходилось сворачивать, потому что не везде можно было пройти между деревьями. Сэр Ричард остановился.

— Шервуд был здесь, — сказал сэр Ричард.

Ничего здесь не было. Даже просвет между деревьями был не шире, чем везде.

— Да-а, — сказал Профессор, — а вы не могли ошибиться в направлении, сэр Ричард?

— Мог, — сказал сэр Ричард, — тогда я больше не гожусь для моей работы.

— Или произошло очередное невероятное, — сказал Профессор, — и паровоз и машинист исчезли загадочно, как мистер Томпкинс. Что нам делать, как вы думаете?

— Пойдем вперед, — сказал сэр Ричард, — или мы наткнемся на рельсы, если они есть, или выйдем куда-нибудь из этого леса и попробуем обойти его вокруг. Будьте осторожны, господин Профессор. Не полагайтесь слишком на меня. Может, я уже сошел с ума.

— О, что вы, сэр Ричард, — сказал Профессор.

— Все бывает, господин Профессор, — сказал сэр Ричард.

И они пошли. Странный это был лес. Хотя деревья росли в нем близко и были густые, за ними ясно виднелись другие деревья и дальние, и самые дальние, и на самых дальних деревьях каждая ветка и каждый лист. Был золотой закатный торжественный свет. Далеко вдали за деревьями бегали животные, но они мелькали так быстро, что их нельзя было узнать. Летали птицы. Росла трава, и тоже в этой траве каждое растение виделось отдельно. Потом стали показываться поляны и ручьи. Очень много было цветов, голубых и малиновых. Деревья цвели и покрывались разными плодами. Очень много было звуков. За стеной пестрой листвы пробежал, жалобно бляя, белый единорог. За ним промчалась кавалькада охотниц и охотников с трубами, рогами, собаками, возгласами и криками, все это прозвучало и скрылось в чаще. Вдруг лес раскрылся.

.....

Здесь получилось как-то немножко не так...

Здесь должна была быть картинка, и она была, но не очень подходила к смыслу и стилю романа. При этом она в какой-то мере сформировала сюжет, одну из линий, одну из героинь. Кажется, она даже была раньше, чем начался роман.

На картинке нагая красивая женщина купается в маленьком круглом голубом пруду посреди идиллического пейзажа. У нее длинные струящиеся розовые волосы, она слегка смуглая. Наверно, это была реклама шампуня или бадусана, чего-то такого купального.

Все изображение слегка условное, то ли наивное, то ли прерафаэлитское что-то, композиция симметричная — символ мечты о прекрасной жизни, мечте, покое...

Все-таки какая никакая, а эротика. В приключенческом романе для подростков не на месте. Кари тоже меня укоряла, а ее муж Толя, мудрец, укорял ее за это.

Картинка была такая необычная, что мы ее сохранили, решили использовать и придумали персонаж, прекрасную даму по имени Каролина, дальнюю родственницу m-m Виардо.

Про них сочиняли длинные истории, придумали город Паулину, выдали Ирэн Виардо за короля Камехахеа такого-то. Имя «Каролина» не очень подходит стильной декадентке, но у нас уже была когда-то в наших историях рыженькая девушка, которая вышла из вагона метро в параллельный (очень занятный) мир. На станции Смоленская. Очень уж ей не хотелось работать, или может быть учиться — не помню что. Думаю, так многие мечтают. Все сидят, дремлют; двери раздвинулись, а там тропинка среди цветов...

— Ну вот, — сказал Профессор, вздыхая с облегчением, — все в порядке. Мы с вами, сэра Ричард, спим и видим сон. Ведь наяву это решительно никак невозможно? Разве не так? Сэр Ричард неопределенно пожал плечами.

— Но вы узнаете эту даму, сэра Ричард? — сказал Профессор. — Узнаете ее волосы? Совсем недавно у мадам Виардо... Поэтому я думаю не будет неловкостью, если мы подойдем и спросим ее, где мы находимся?

Но женщина сама заметила их. Она повернула к ним нежное отуманенное лицо и смотрела сквозь сомкнутые ресницы как будто издалека. Потом глаза ее раскрылись, словно она проснулась. Она медленно поднялась. Профессор, волнуясь, смотрел, как она приближается к берегу, с каким совершенным изяществом стройное колено рассекает зеркальную синюю грань между двумя стихиями. Все было необъяснимо странно: что она здесь, что она их узнала и не удивлена. Странен был медовый цвет ее кожи и розовый цвет невообразимо роскошных волос. Странно было, что у нее, золотой и розовой, нежной, минуту назад дремавшей в глубокой неге, такой холодный твердый взгляд. Она вышла на берег и заговорила.

— Это ваше заблуждение, — сказала Каролина, — должно показать вам, сколь опасны заблуждения сердца и ума. Вы не увидели ваш паровоз, ибо раньше не пожелали увидеть Очевидность. Впрочем, ваше наказание было не сурово. В делах чести мужчинам позволительно перейти границы разумного и даже преступить собственные убеждения. Возвращайтесь к Шервуду, поезжайте дальше и сойдите на следующей станции. Вы скоро встретите мистера Томпкинса.

Она отпустила их, грациозно склонив голову. Профессор и сэра Ричард поклонились и пошли обратно в лес. Уже под сенью деревьев сэра Ричард не выдержал и обернулся. Каролина стояла на том же месте и улыбалась им вслед. Сэр Ричард поклонился еще раз. Каролина помахала рукой.

Некоторое время Профессор и сэра Ричард шли молча под деревьями.

— Как вы думаете, сэра Ричард, — сказал наконец Профессор, — все-таки нам это снится?

— Вряд ли, — сказал сэра Ричард.

— Я тоже так думаю, — сказал Профессор, — и это меня успокаивает. Видеть знакомую даму обнаженной все же приличней наяву, чем во сне, когда она об этом даже не подозревает.

Шервуд очень скоро нашелся, и мистер Вильямс несказанно обрадовался. Их столь долгое отсутствие и внезапное превращение зала в лесную чащу его очень встревожили. Шервуд тронулся в путь, скоро покинул лес и шел всю ночь, освещая себе дорогу фонарями. На рассвете он оказался в красивой свежей местности. Невдали уже виднелась станция — добротное и уютное несколько старомодное здание, перрон с балюстрадой, часы.

— Наконец-то, — весело сказал мистер Вильямс, — нормальный человеческий вокзал.

Можно будет узнать расписание, позавтракать в буфете, отправить телеграмму...

— Купить билеты, — сказал Профессор.

— Куда? — удивился мистер Вильямс.

— До какой станции были наши билеты, сэра Ричард? — спросил Профессор. — Все ведь осталось в вагоне.

— Не помню, — сказал сэра Ричард.

— Так может быть, мы давно уже едем бесплатно? — сказал Профессор.

— Ах, — сказал мистер Вильямс, — какие могут быть разговоры, когда такие люди...

И он вытер глаза тыльной стороной руки, испачканной машинным маслом.

Шервуд в это время подошел к перрону и замедлял ход. Из крайнего домика выбежал станционный смотритель в фуражке и бросился вдогонку паровозу, но почему-то не мог его догнать, хотя бежал изо всех сил, крича что-то и размахивая руками, а паровоз все останавливался и наконец остановился совсем. Тем не менее станционный смотритель все не мог приблизиться.

— Зачем вы берете ружье, сэр Ричард? — спросил Профессор, спускаясь по железной лесенке. — Мы пока только зайдём в вокзал, узнаем, что это за место.

Сэр Ричард пожал плечами.

— Осторожнее, джентльмены! — крикнул станционный смотритель.

Профессор спрыгнул с последней ступеньки и одновременно сэр Ричард перемахнул через перила.

— Осторожнее, джентльмены! — крикнул смотритель. — Ведь она все-таки ве...

.....
Следующая часть о мистере Томпкинсе и его *похождениях* (потому что он будет все время ходить пешком) там, где он оказался, споткнувшись о вчерашнее солнце (тыкву).

